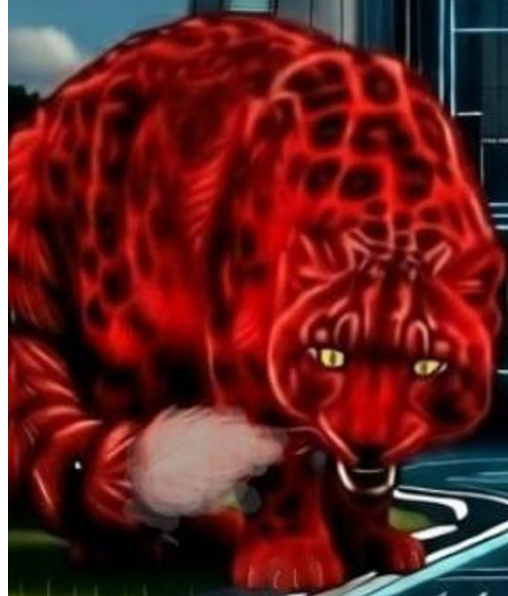

Неизбежность Вейри

МАРРА
ФОКС

18+

МАРРА ФОКС

Неизбежность Вейри

«Автор»

2026

ФОКС М.

Неизбежность Вейри / М. ФОКС — «Автор», 2026

Сердце Юлии заковано в вечный лёд после предательства. Мир Дарена на грани вымирания. Она его единственный шанс. Ему нужен наследник. Ей — свобода. Он назвал её Вейри — в честь рыжего хищного зверя, которого ещё никто не смог приручить. Он ведёт её к алтарю, не спросив — связанную. Её «да» — формальность. Он играет по её правилам — или она по его? Кто первым признает неизбежное? Сможет ли он растопить лёд её сердца — или загонит себя в ловушку? «Неизбежность Вейри». Когда судьба пишет сценарий, а охотник становится добычей.

Содержание

1. Между планом и мечтой	5
2. Прощание с иллюзиями	8
3. ИзКембриджа — к звёздам	12
4. Сердце под бронёй	17
5. Игра по своим правилам	21
6. Объект Ю7: Необычный паттерн	26
7. Элария: бремя Дарена	30
8. Кванториум: путь к Земле	35
9. Элария на Земле: маскировка подреальностью	41
10. Крах стратегии Дарена	46
11. Иллюзия её комнат	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

МАРРА ФОКС

Неизбежность Вейри

1. Между планом и мечтой

Рыжие волосы Юлии вспыхивали, как пламя, на фоне серых городских улиц и притягивали взгляды прохожих. Хрупкая фигура, изящные черты лица, одним словом, «конфетка», как шептались за спиной. Но образ легкомысленной представительницы «золотой молодёжи» никак не вязался с её натурой. Юля твёрдо стояла на своих позициях и не позволяла обществу ярлыку определять её путь.

Юлия Вольская родилась в семье, где деньги не считали, а возможности казались безграничными. Отец, Максим Игоревич, бывший чемпион Европы по автогонкам, основал несколько компаний и инвестировал в более чем 30 стартапов, в том числе VoltForge, который занимается развитием инфраструктуры электромобилей. Владелец сети премиальных автодромов. Мать, Виктория Андреевна, создала империю фитнес клубов и школ йоги.

Особняк на Рублёвке, дом в Альпах, яхта — роскошь окружала Юлю с детства. Но она презирала показную жизнь «высшего общества». Юлия могла позволить себе любую модную вещь, любой гаджет, любую поездку. Но чем старше она становилась, тем яснее понимала: настоящее удовлетворение приносит не потребление, а преодоление.

Каждое утро начиналось с разминки: бег вдоль реки, растяжка на скамейке в парке, элементы паркура на городских препятствиях. Отец, когда-то рисковавший на треке, учил: «Скорость — это свобода, но без головы разобьёшься». Мать, привившая дисциплину, после падений говорила: «Встань. Боль — это урок, а не повод сдаваться». Так формировался её принцип: «Живи на своих условиях» — маршрут выбираешь сам, страхуешь себя сам и поднимаешься в своём темпе, даже если кто-то говорит «так не получится» или «ты не справишься».

Однажды отец взял её за город, подальше от огней мегаполиса. Небо тогда казалось бескрайним, усыпанным миллиардами бриллиантов. Он указал на Полярную звезду:

— Видишь её? Она всегда на месте. Даже когда всё вокруг меняется, она остаётся ориентиром.

Юля заворожённо смотрела вверх. В тот момент что-то щёлкнуло внутри. Она захотела узнать, что там, за пределами атмосферы, как устроены эти далёкие огни, почему они мерцают. С тех пор вечера превратились в ритуал: книги о космосе, документальные фильмы о МКС, биографии космонавтов. Она запоем изучала схемы ракет носителей, запоминала названия созвездий, представляла, каково это — парить над Землёй, видеть её голубой шар целиком. В темноте мерцали экраны, а в груди разливалась тоска: будто где-то там, за пределами родительского выбора, ждало её настоящее призвание.

У неё всё было распланировано на годы вперёд. Родители — успешные бизнесмены и они видели дочь продолжательницей семейного дела. В их представлении будущее Юли выглядело безупречно: престижный вуз, диплом по международному бизнесу, стажировка за границей, руководящая должность в семейной компании. Они с гордостью оплатили её обучение на факультете «Международный бизнес» — всё как положено в их кругу.

По вторникам и четвергам она посещала тренировки по киокушинкай карате. Чётко отбивала удары, повторяла ката, ловила ритм дыхания. Дисциплина была не просто правилом, а частью её сущности. Она требовала от себя совершенства, и каждый промах становился вызовом, каждый успех — шагом вперёд.

В 16 лет она заработала первые деньги, тренируя детей в «Victoria Fit»: родители приучали её к самостоятельности, не позволяя полагаться только на семейный счёт.

На благотворительном забеге в поддержку приюта для животных Юля пришла анонимно, надеясь пробежать дистанцию и уйти незамеченной. Но энергичная девушка с заразительным смехом высмотрела её в толпе ещё до старта:

— Давай в одной команде? Я умею мотивировать на последнем километре!

Их команда не победила, но Юля познакомилась с Софией, которая уговорила её помочь с организацией тренировок для детей. Так завязалась дружба и дело, приносящее не большой, но все же доход. Девочки учились в одной школе, но в параллельных классах. София увлекалась биотехнологиями и анатомией, мечтала в будущем разрабатывать оборудование для космических миссий. София стала для Юли мостом между миром постоянных изнурительных тренировок и социальной активности.

По средам, после школы Юля мчалась на скалодром, где плоскость ее жизни менялась с горизонтальной на вертикальную. По выходным она каталась на роликах в парке или отправлялась на набережную с фотоаппаратом, чтобы поймать удачный кадр в закатном свете, остановить время и оставить мгновение в памяти.

Однажды во время такой прогулки она и познакомилась с Артёмом. Он стоял у кромки воды с камерой, наблюдая за отражением закатного неба в лужах. Юля машинально начала снимать то же самое.

— Если сдвинуться на два шага влево, получится симметрия — неожиданно произнёс он, заметив её колебания.

Артём учился с Юлей в одной школе, но они редко пересекались: он был на год старше и много времени посвящал занятиям по физике и астрономии. В свободное время снимал городские пейзажи. Позже он предложил Юле поучаствовать в фотопроекте «Движение и покой»: она позировала на скалодроме и у воды, а он ловил контраст силы и плавности. Через фотографию она научилась замечать то, что раньше ускользало от взгляда, видеть красоту в обычных деталях.

Ближе к ночи, когда город зажигал огни, Юлия брала гитару. Пальцы, только что сжимавшие канат или отработывавшие удары на тренировке, становились удивительно нежными, выводя аккорды. Она играла для себя — тихо, задумчиво, иногда добавляя в мелодию что-то от тех ритмов, что рождались в её душе после дня, полного усилий и концентрации.

Однажды Юля записалась на лекции, организованные Московским физико-техническим институтом для школьников, увлечённых наукой. Юля внимательно слушала докладчика, делала пометки в блокноте, просчитывая в уме возможные сценарии развития систем. Погрузившись в расчёты, она случайно задела стакан кофе на столе — он опрокинулся на конспекты соседа.

— Вижу, ты наглядно демонстрируешь эффект бабочки в действии, - с улыбкой произнёс он, глядя на растекающееся пятно.

— Прости, пожалуйста, я сейчас всё уберу, - виновато сказала Юля и потянулась в сумку за салфетками.

— Меня Владимир зовут, а тебя как? - улыбаясь, продолжил парень.

— Я — Юля, приятно познакомиться.

Владимир учился в математическом классе соседней школы. Блестящий математик, которого многие считали «затворником из библиотеки», по выходным он пропадал на скалодроме. А иногда с братом ездил в горы. Спокойный, ироничный, он умел разрядить обстановку парой точных шуток и всегда помогал с расчётами — его мозг работал как калькулятор. Юля с энтузиазмом подхватила шутку:

— А если бы я не задела стакан, наше знакомство могло бы не состояться. Правильно я понимаю?

— вот он, хаос в чистом виде! — подтвердил он.

Они разговорились о детерминизме и непредсказуемости сложных систем, особенно в контексте космических полётов. С тех пор они спорили о математических моделях траекторий и подкалывали друг друга. Он иногда вытаскивал её на вылазки в горы, чтобы она «не зако-стенела в учебниках».

Вот отзвенел последний звонок, нужно подавать документы. Конечно, всё уже догово-рено и оплачено, но сердце просило о другом. После долгих разговоров с мамой, где Юля впер-вые открыто призналась, что её вдохновляет космос, проиграв этот не равный бой, она улетела в Кембридж. Все по- плану. Все, как решили родители.

Юля прилежно посещала лекции по маркетингу, штудировала международные стандарты отчётности, участвовала в деловых играх: как вывести британский чай на китайский рынок или запустить эко бренд в Европе. На фотографиях для семейного архива она улыбалась. Аудито-рии с панорамными окнами, стильные однокурсники, разговоры о будущих стартапах — со стороны казалось, что она счастлива. Но по вечерам, когда затихали сообщения в чатах и город за окном погружался в огни, Юля доставала ноутбук и открывала совсем другие вкладки. Её стол снова превращался в командный центр мечты: она смотрела документальные фильмы о запусках SpaceX и Роскосмоса, читала блоги инженеров NASA, разбирала схемы двигателей. Иногда она рисовала в тетради простые схемы ракет, пытаясь понять, как всё это работает в реальности. В такие моменты она чувствовала себя живой — по-настоящему живой, а не про-сто дочь успешных родителей и прилежной студенткой Кембриджа. И этого ей было пока достаточно.

Кембриджский университет universityofcambridge

2. Прощание с иллюзиями

Судьба, словно шаловливый ребёнок, решила вмешаться в её упорядоченную жизнь. Это случилось на ярмарке студенческих клубов. В вихре ярких баннеров, смеха и торопливых шагов Юлия, погружённая в свои мысли, едва не пропустила его. Он стоял у стенда киноклуба, излучая харизму, будто солнце в пасмурный день. Его улыбка была заразной, а жесты — широкими, почти театральными. Он рассказывал о «Космической одиссее» с таким пылом, будто это было откровение, и слушатели, зачарованные, кивали, смеялись, поддакивали.

— Привет! Ты новенькая? - его голос прорвался сквозь шум, как луч света сквозь туман.

— Да, первый курс, - ответила она, чувствуя, как щёки заливают румянец. — Отлично! Тогда ты обязана посмотреть с нами «Космическую одиссею» в эту субботу. Гарантирую: ты увидишь космос по-новому!

И вот так, с этого небрежного приглашения, началось её падение в омут чувств — медленное, неотвратимое, как закат над Темзой.

Джеймс теперь появлялся в её жизни, как утренний свет в окне: неожиданный, но такой желанный. Букеты полевых цветов, небрежно брошенные на её стол, короткие записки с комплиментами, спрятанные в учебники, прогулки по старинным мостам, где он рассказывал истории о призраках и рыцарях, заставляя её смеяться до слёз. Он запоминал всё: её любовь к чёрному чаю без сахара, её мечты о космосе, её нелепую привычку напевать мелодии из старых фильмов и, как тогда казалось, выражал не поддельное восхищение ей.

Они бродили по живописным улочкам, вымощенным булыжником, мимо старинных колледжей с вековыми дубами и плющом, оплетающим каменные стены. Особенно Юлии понравился Мост Вздохов — изящный крытый мостик, соединяющий два крыла колледжа. Джеймс шептал, что здесь влюблённые, когда обменивались тайными знаками, а их вздохи, полные тоски и надежды, будто застыли в камне. Она улыбалась, представляя эти истории, а он в этот момент смотрел на неё так, что внутри всё замирало.

День близился к вечеру. Солнце, уже склонившееся к горизонту, заливало мост тёплым золотистым светом. Тени от ажурных решёток ложились на каменные плиты причудливым узором, а в воздухе витала лёгкая дымка, пропитанная ароматом цветущих кустов вдоль реки Кэм. Джеймс остановился у одного из высоких арочных окон, повернулся к Юлии и мягко произнёс:

— Говорят, если поцеловать любимого человека здесь на закате, любовь будет вечной

Она замерла, чувствуя, как участилось сердцебиение. В его глазах читалась нежность, смешанная с робким ожиданием. Юлия не успела ответить его слова будто застряли, где-то внутри.

Он осторожно поднял руку и бережно убрал прядь волос, упавшую ей на лицо. Его пальцы слегка коснулись её щеки. Прикосновение было таким лёгким, почти невесомым, что она едва ощутила его, но по коже тут же пробежала волна тепла.

— Можно? - тихо спросил он, наклоняясь ближе.

Юлия, не в силах вымолвить ни слова, лишь едва заметно кивнула.

Их губы встретились — нежно, трепетно, словно боясь спугнуть волшебство момента. Поцелуй получился коротким, почти невинным, но в нём было столько тепла и искренности, что у Юлии перехватило дыхание. Мир вокруг будто замер: затих шум города, остановилось время, а остались только они вдвоём под сводами старинного моста, окутанные золотистыми лучами заката.

Когда Джеймс отстранился, он улыбнулся так открыто и счастливо, что Юлия невольно улыбнулась в ответ. Её щёки пылали, а сердце билось так сильно, что, казалось, его стук мог услышать весь Кембридж.

— Это наш первый поцелуй, - шёпотом призналась она, опустив глаза. Мысленно она добавила: «И мой первый» - и затаила дыхание, надеясь, что он не догадается. Но предательски алеющие щёки выдавали всё без слов.

— И он был прекрасным, - так же тихо ответил Джеймс, осторожно сжимая её руку. — Как и ты.

Они стояли ещё несколько мгновений, глядя друг на друга, а закат дорисовывал последние штрихи этой картины: алые и розовые полосы на небе, длинные тени на камнях, и два силуэта, застывшие в немом обещании чего-то нового, волнующего и прекрасного.

В солнечные дни они спускались к реке Кэм. Садились на траву у берега, где плакучие ивы склонялись над водой, а лебеди скользили по зеркальной глади. Джеймс приносил термос с чёрным чаем без сахара — точно, как она любила — и печенье, завернутое в салфетку. Он рассказывал о звёздах, связывал созвездия с древними легендами, а Юлия, замороженная, ловила каждое слово, чувствуя, как сердце наполняется теплом.

В Ботаническом саду Кембриджского университета они прятались от дождя под раскидистыми кронами древних деревьев. Капли стекали по листьям, а воздух наполнялся ароматом влажной земли и роз. Джеймс находил для неё редкие цветы и шептал их латинские названия, будто это были заклинания.

А вечерами они заходили в крошечную книжную лавку на углу Сент Джонс стрит — пыльную, уютную, с скрипучими половицами и полками до потолка. Он выбирал ей поэзию XIX века или книги о космосе, зная её мечты.

Юлия тонула в этом внимании, как корабль в ласковых, но обманчивых водах. Её сердце билось в такт с его смехом, а мысли кружились, как листья на ветру. Это было её первое серьёзное чувство — чистое, как утренний туман, и яркое, как вспышка кометы. Ей тогда казалось: «это оно», то, что навсегда, как в старых добрых русских сказках...

Но вскоре идиллия начала трескаться, как лёд под весенним солнцем. Джеймс, словно пойманный в ловушку собственных желаний, начал давить, требовать больше, чем она могла дать. Его прикосновения становились настойчивее, шёпот — жарче, а взгляды тяжелее. Он шептал о «близости душ», о «настоящей любви», но Юлия не хотела торопиться.

— Юль, ты такая особенная... Я бы хотел быть ближе к тебе, - его голос был мягким, как бархат, но в глазах читалось нетерпение.

— Я ценю твои чувства, Джеймс, но мне нужно время, - отвечала она, словно балансируя на краю обрыва.

Он кивал, соглашался, но с каждым днём пропасть между ними становилась всё шире. Его нетерпение превращалось в раздражение, а её осторожность в стену, которую он безуспешно пытался разрушить.

А потом наступил тот роковой вечер. Лёгкий дождь стучал по мостовой, словно предупреждая о грядущей буре. Юлия шла вдоль реки Кэм, торопясь забрать забытый конспект из библиотеки. Путь лежал мимо Моста Вздохов — их места.

Она завернула за угол и застыла, как статуя, поражённая молнией. Джеймс, её Джеймс, стоял у ажурных арок моста, обнимая другую. Он смеялся, целовал её с той же страстью, с которой когда-то целовал Юлию. Капли дождя стекали по каменной кладке, а в груди Юли всё оборвалось. Мир рухнул, как картонный домик, оставив после себя лишь осколки боли и предательства.

Дни потянулись, как вязкая смола. Юлия пыталась вернуться к нормальной жизни: лекции, семинары, улыбки на камеру родителям и друзьям. Но каждый шаг давался с трудом. Она избегала аллей у реки, обходила стороной мост, который ещё недавно казался волшебным.

А потом пришло то самое видео — анонимное, жестокое, как удар под дых. Джеймс, там был Джеймс, в объятиях той самой девушки, у тех самых арок, только там все более откровеннее и интимнее, чем она видела тогда. Подпись горела огнём на экране: «Ты лишняя в жизни Джеймса».

Она назначила ему встречу. Сердце билось, как пойманная птица, но в глазах уже не было слёз — только холодная, беспощадная решимость.

— Посмотри на это, - Юля протянула ему телефон с воспроизводящимся видео. Её руки почти не дрожали, но внутри всё тряслось, как в лихорадке.

Джеймс бросил взгляд на экран и тут же отвёл глаза, небрежно махнув рукой:

— Да это же монтаж, Юля. Ты серьёзно? Кто-то просто решил тебя разыграть.

— Монтаж? - её голос зазвучал жёстче. — Тогда объясни мне, что ты делал в пятницу вечером на Мосту Вздохов? Я шла забрать конспект из библиотеки, завернула к реке... Я видела вас своими глазами. Тебя и ее, - тыча пальцем в видео прошептала Юля. — Ты смеялся, целовал её... И это как объяснить? тоже монтаж?

Он замер, поёрзал на месте, провёл рукой по волосам. Впервые за всё время их знакомства Юля увидела в его взгляде не лёгкость и обаяние, а растерянность и что-то ещё, холодное и расчётливое.

— Ладно, - выдохнул он наконец, — допустим, ты права. Но что в этом такого? Я мужчина, Юля, и мне мало просто держаться за ручку. Мне нужно нечто большее. Нужна разрядка, нужен секс. Ты уже не маленькая девочка и должна это понимать.

— Я просила тебя подождать, - тихо, но твёрдо сказала Юля. — Я говорила, что ещё не готова. Что мне нужно время.

— Время? - он усмехнулся, и эта усмешка обожгла её сильнее, чем любые слова. — Я устал от того, что ты меня постоянно динамишь. Это физиология, понимаешь? Я пытался быть терпеливым, но... Ты красивая, интересная, да, но пока между нами нет близости — это не отношения, а какие-то игры.

— Игры? - она почувствовала, как внутри что-то обрывается. — Ты называешь наши отношения игрой? Я доверяла тебе. Я думала, ты другой.

— Доверяла? - Джеймс пожал плечами. — Ты живешь в своём мире, Юля. Видела то, что хотела видеть. А я... я живой человек со своими потребностями. Я давал тебе шансы, но ты всё тянула, ставила какие-то свои условия

— Я просто хотела, чтобы ты меня понял. Чтобы уважал мои границы.

— А я хотел нормальных отношений, - отрезал он. — Без этих детских «подожди» и «мне страшно». Я не могу вечно ждать, пока ты решишься.

В этот момент что-то внутри неё щёлкнуло, как сломанная пружина. Она посмотрела на него — и вдруг увидела перед собой чужого человека. Не того Джеймса, который дарил цветы и смешил её до слёз, а кого-то другого: холодного, прагматичного, будто просчитывающего каждый шаг.

— Знаешь, что, Джеймс? - её голос стал тихим, но в нём звенела непреклонность. — Ты прав в одном: я жила в иллюзиях. Я верила, что ты другой, что между нами есть что-то настоящее. Но теперь я вижу правду. И эта правда мне не нравится.

Она сделала паузу, глядя ему прямо в глаза — так, чтобы он понял: это конец.

— Прощай, Джеймс.

Юля развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Шаги отдавались в тишине вечернего кампуса, словно отсчитывая последние секунды её прежней жизни. Она шла мимо знакомых аллей, мимо скамеек, где они сидели, мимо Моста Вздохов. Когда-то он казался ей местом,

где сбываются мечты. Теперь арки, увитые каплями дождя, выглядели чужими, лишёнными очарования. В глазах больше не было слёз — только холодная ясность и сталь. Улыбка, если она ещё когда-нибудь появится на её лице, никогда не будет прежней. С этого дня в её жизнь не сможет проникнуть ни один обманщик, ни один человек, путающий искренность с игрой.

Крытый мост через реку Кэм между Третьим и Новым корпусами колледже Святого Иоанна в Кембриджском университете, Кембридж, Англия (мост Вздохов)

3. ИзКембриджа — к звёздам

Юля шла по кампусу, не замечая ни старинных зданий с вековыми стенами, ни спешащих студентов, оживлённо переговаривающихся на ходу. В голове крутились слова Джеймса, его оправдания, его холодный взгляд — всё, что ещё недавно казалось волшебным, рассыпалось в прах, как картонный домик от лёгкого дуновения ветра. Боль царапала изнутри, но вместе с ней росло и другое чувство — решимость.

Она приняла решение мгновенно: оставаться здесь больше нельзя. Ей хватило два дня. В лихорадочной спешке она оформляла академический отпуск. К счастью, администрация пошла навстречу из-за «семейных обстоятельств». Вещи паковала почти машинально: большую часть отправит багажом, возьмёт с собой только самое необходимое: фотографии, тетради с заметками. Перенесла авиабилеты — чудом удалось найти рейс на следующий день. Уведомила кураторов и сокурсников короткими сообщениями, закрыла местные счета и сняла наличные. Каждый шаг был чётким, выверенным, словно она снова шла по маршруту паркура, только теперь препятствия были не физическими, а внутренними.

В ночь перед вылетом Юля долго смотрела на город за окном. Дождь, который, когда-то казался романтичным, теперь стучал по стеклу, словно отсчитывая последние секунды её кембриджской жизни. Капли скользили по стеклу, напоминая слёзы, которые она больше не хотела проливать. Она выключила свет, собрала последние вещи и легла спать. Впервые за долгое время ей снились не кошмары, а звёзды — яркие, близкие, манящие, будто протягивающие к ней свои лучи сквозь тьму.

Родители встретили её на пороге дома в полном недоумении. Мама замерла на мгновение, бледнея, а затем бросилась к дочери, сжимая её в объятиях так крепко, словно боялась, что Юля снова исчезнет.

— Юля? Что случилось? Почему ты вернулась? - голос Викторией Андреевны дрожал от тревоги, пальцы слегка сжимались, когда она отстранилась, чтобы взглянуть дочери в лицо.

— Я не могла там оставаться, - коротко ответила Юля, обнимая ее в ответ и утыкаясь носом в её плечо, вдыхая знакомый с детства цветочный аромат, который вдруг показался ей спасительным островком в бушующем море её эмоций.

В гостиную отец хмуро разглядывал её чемодан, стоявший у двери, как чужеродный предмет, нарушающий привычный порядок вещей.

— Ты бросила учёбу? После всех вложений? После всех договорённостей? - голос отца прозвучал резко с нотками обвинения.

— Я взяла академический отпуск, - уточнила Юля, выпрямляясь и глядя отцу прямо в глаза. — И я не бросила. Я просто... хочу сменить курс...и город.

— Какой ещё курс? - отец встал, заложив руки за спину, и сделал несколько шагов по комнате, словно пытаясь уложить в голове непостижимую мысль. — Мы оплатили тебе лучшее бизнес-образование в мире!

— А я хочу заниматься космосом, — тихо, но твёрдо сказала Юля. — Я окончательно поняла это там, в Кембридже. Пока изучала маркетинг и логистику, я всё равно думала о звёздах. И поняла: если не попробую сейчас, буду жалеть всю жизнь.

Мама села рядом, взяла её за руку, и Юля почувствовала, как материнское тепло проникает сквозь ледяную корку, сковавшую душу.

— Дочка, мы просто хотим, чтобы ты была счастлива...А космос...Это же жизнь без нормальной семьи...ну кто тебя будет ждать годами, пока ты на станции или еще где?

— Я и буду счастлива, - перебила Юля. — Но по-своему. Я перевожусь на аэрокосмический факультет МГТУ имени Баумана, на специальность «Ракетные комплексы и космонавтика». А семья...мне никто не нужен, мам. Я учиться хочу. Я в космос хочу, по-настоящему

Отец резко повернулся, его взгляд стал острым, изучающим. Посмотрел на неё так, будто видел впервые — и в то же время узнавал что-то давно знакомое, но забытое.

— Ты сошла с ума? Это же совершенно другая специальность! - в голосе отца звучало неподдельное изумление. — Ты представляешь, сколько времени и сил нужно, чтобы освоить эти дисциплины? У тебя нет базового технического образования!

— Я готова учиться, - твёрдо ответила Юля. — Готова работать день и ночь, если потребуется. Я уже связалась с деканатом аэрокосмического факультета Бауманки. Они согласились рассмотреть мой перевод на 2 й курс при условии, что я пройду ускоренный курс восполнения базовых знаний по математике углублённого уровня и физике за лето, а также сдам аттестацию по дисциплинам, которые не изучала в Кембридже — высшая математика, инженерная графика, основы программирования.

Отец тяжело опустился в кресло, провёл рукой по лицу, и на мгновение Юля увидела в нём не строгого родителя, а просто усталого человека, который боится за своего ребёнка.

— Хорошо, допустим, тебя зачислят переводом на второй курс, - произнёс отец. — Но это только начало. Дальше будет год аврала: ты будешь учить то, что другие учили два года. Будешь сидеть за учебниками, пока твои ровесницы ходят на свидания. Ты уверена, что готова променять «нормальную» молодость на интегралы и чертежи?

— Да, папа, - твёрдо сказала Юля, глядя ему прямо в глаза. — Я готова. Потому что для меня «нормальная» молодость - это не свидания и клубы, а расчёты траекторий и лаборатории. Я хочу прожить жизнь, которая будет иметь смысл для меня, - кивнула Юля. — Я справлюсь. Я уже нашла онлайн курсы по основам проектирования ракетных двигателей. А вечер останется для самостоятельной подготовки.

Мама вздохнула, её взгляд смягчился, в нём читалась смесь тревоги и гордости.

— Мы просто боимся, что ты разочаруешься, - мягко сказала она. — Что столкнёшься с трудностями и пожалеешь о своём решении.

— Если я не попробую, я уже разочаруюсь в себе, - ответила Юля. — Лучше потерпеть неудачу, делая то, что люблю, чем добиться успеха в том, что мне безразлично.

Наступила долгая пауза. В доме было тихо, только тиканье часов на стене отсчитывало мгновения. Отец сел напротив. Теперь он смотрел на неё не как на капризного ребёнка, а как на взрослого человека, который сделал выбор.

— Ты уверена? - спросил он наконец. — Это серьёзный шаг.

— Уверена, - ответила Юля. — И я докажу вам, что это не ошибка.

Отец вздохнул, провёл рукой по волосам — так же, как делал, когда объяснял ей законы скорости на треке.

— Ладно, раз ты все решила и уже начала действовать, пусть будет, по-твоему. Но учти: поддержки от нас в этом деле не жди. Будешь учиться на своих условиях, а значит, и отвечать за всё будешь сама.

— Спасибо, папа, - улыбнулась Юля. — Именно этого я и хочу.

В августе Юля успешно прошла аттестацию по недостающим дисциплинам и была зачислена на 2 й курс аэрокосмического факультета МГТУ им. Н. Э. Баумана. В сентябре, в первый учебный день, она впервые вошла в аудиторию главного корпуса на Второй Бауманской. Аудитория пахла свежей краской, металлом и едва уловимым запахом машинного масла из соседней лаборатории. За окном шумел город, но здесь, в стенах легендарного вуза, время будто замедлилось — каждый миг теперь был наполнен смыслом.

Учёба оказалась даже сложнее, чем Юля ожидала. Первый семестр превратился в бесконечную гонку, где каждый день был испытанием на прочность. Математика обрушилась на неё

лавиной дифференциальных уравнений, линейной алгебры и теории вероятностей — поначалу формулы казались ей загадочными рунами, но она упорно разбирала каждую задачу, по десять раз перепроверяя расчёты, пока символы не начинали складываться в понятную картину.

Занятия по инженерной графике стали для неё новым испытанием: сложные разрезы и сечения, стандарты ЕСКД, работа в Компас 3D — всё это требовало предельной точности. Физика раскрывала перед ней свои тайны неохотно: механика, электродинамика, квантовая физика — каждый новый раздел требовал полной концентрации, выматывал до изнеможения. Юля часами корпела над задачами, пока не добивалась понимания, пока сложные законы природы не начинали подчиняться её разуму.

Программирование стало ещё одним рубежом — Python и MATLAB не желали покориться сразу. Первые скрипты выдавали ошибки на каждом шагу, словно насмехаясь над её усилиями, но Юля терпеливо искала и исправляла баги, пока код не начал работать так, как нужно.

Основы проектирования ракетных двигателей открывали перед ней целый мир: конструкция ЖРД и РДТТ, топливные системы, системы управления — каждая лекция была дверью в новую вселенную знаний, которую нужно было освоить.

Однажды их группу впервые повезли в Реутов, на территорию НПО «Машиностроение». Юля шла по цеху, где собирали узлы для реальных ракет, и чувствовала, как каждая деталь вокруг шепчет: «Ты на правильном пути».

Лекции по термодинамике и астрофизике она поглощала с жадностью, ловила каждое слово профессора, записывала формулы, которые казались ей не сухими символами, а ключами к тайнам вселенной. На лабораторной по термодинамике Юля впервые увидела настоящий ракетный двигатель — небольшой демонстрационный образец для учебных целей. Профессор Иванов разрешил студентам разобрать его и собрать заново. Руки дрожали, когда она держала в руках детали, которые когда-то поднимали ракеты в космос, — металл казался тёплым от воспоминаний о великих полётах.

В один из дней, после занятий профессор Иванов, заметив её рвение, задержал у кафедры. Его седые брови приподнялись в добродушном удивлении, а в глазах блеснула искорка интереса.

— Вольская, у нас идёт набор в студенческое конструкторское бюро при кафедре «Космические аппараты и ракеты носители». Будем работать над проектом микроспутника для мониторинга климата по заказу Роскосмоса. Хочешь попробовать?

Юля почувствовала, как внутри всё затрепетало, будто крылья бабочки, готовой взлететь.

— Да, конечно! - ответила она, стараясь говорить спокойно, но голос всё равно дрогнул от восторга.

Выходя из аудитории, она подняла голову к небу. Где-то там, за облаками, ждали звёзды. Теперь она знала: путь к ним начинается здесь, в лекционных залах Бауманки, в цехах Реутова.

МГТУ им. Н.Э. Баумана

Кампус МГТУ им. Н.Э. Баумана

ЕСКД— Единая система конструкторской документации. Комплекс государственных стандартов, устанавливающих правила и требования к оформлению конструкторских документов (чертежей, схем, и т.д.)

Python— высокоуровневый универсальный язык программирования с простым синтаксисом. Широко применяется в вебразработке, анализе данных, машинном обучении и автоматизации.

MATLAB(сокращение от Matrix Laboratory — «лаборатория матриц») — это спец. программа, созданная для удобной работы с числами, таблицами и формулами.

ЖРД— жидкостный ракетный двигатель

РДТТ— ракетный двигатель твёрдого топлива (твёрдотопливный ракетный двигатель).

4. Сердце под бронёй

С тех пор как Юля вернулась с Кембриджа она выстроила стену. Высокие, гладкие стены, как на скалодроме. Только эти было не преодолеть никому. Никаких свиданий, никаких намёков, никаких «может, попробуем». Юля не ходила по клубам, не заводила мимолётных знакомств и не интересовалась шумными «вписками». Чужое мнение скользило мимо, не оставляя следа. Её внутренний компас указывал совсем иные ориентиры. Весь мир, что не имел отношения к точным наукам, словно утратил краски и смысл.

Джеймс, когда-то занимавший все мысли, теперь просто не попадал в фокус её внимания. У неё не было времени на глупые переживания о нём: ни на ностальгию, ни на обиды, ни на попытки представить, как сложилась его жизнь. Всё это казалось мелочным и не стоящим ни секунды её драгоценного времени. Мысли о какихто романтических историях просто не находили себе места среди формул, расчётов и графиков учёбы. Они не то, чтобы стёрлись — они даже не возникали. Все было отложено на потом, даже то, что раньше приносило радость: скалодром, паркур, гитара, встречи с приятелями. Сейчас её цель была другой, и всё остальное ушло на второй план.

В её жизни не было места развлечениям, тоске или пустым переживаниям. День складывался из двух состояний: либо она с головой погружалась в новую тему, жадно впитывая знания до тех пор, пока глаза не начинали слипаться, либо падала в сон. Не просто засыпала, а проваливалась в тяжёлую, бездонную темноту без сновидений. Если материала с лекций не хватало, Юля сама находила дополнительные источники: погружалась в монографии, выискивала редкие статьи, организовывала встречи с преподавателями, записывалась на дополнительные курсы. А с утра всё начиналось заново, как бесконечный день сурка. Будильник звенел, Юля заставляла себя подняться, умыться ледяной водой, чтобы хоть немного взбодриться, и снова бралась за книги, конспекты, расчёты. Новые знания, а затем сон, такой же глубокий и беспробудный, будто организм отключался на полную перезагрузку.

Родители начали всерьёз переживать. Отец, глядя на дочь, винил себя:

— Зачем я так жестоко говорил тогда? Ну оплатили бы мы эти доступы и зачеты, ну и что? Зато Юля бы была живой, а сейчас она на работа похожа

Мать вздыхала, качала головой:

— И не разговаривает почти. Если ты не знаешь квантовую физику, ты ей не интересен!

— Может, к психологу её записать? - виновато говорил отец.

— Когда? Когда она спит без задних ног? Или, когда я пытаюсь ей засунуть в рот хотя бы бутерброд? Мы её теряем, - тихо шептала Виктория Андреевна.

— Надо чтото делать. Может самим пойти к психологу?

— Я уже говорила со своим психологом, - отвечала мать. — Она сказала, что надо просто подождать. Это пройдёт

И действительно, через два года, когда учёба Юли перестала быть борьбой за выживание среди формул и теорем, когда учеба превратилась в устойчивый ритм и Юля стала лучшей на факультете, вот тогда в её расписании стало появляться свободное время. Но это продлилось не больше месяца. И теперь родители не знали, что было лучше: прежняя одержимость знаниями или то, во что превратилась их дочь теперь. Казалось, её будто подменили.

По выходным мир Юли наполнялся скоростью. Отец, страстный любитель автоспорта, когда-то подарил ей первый спортивный автомобиль — элегантный, мощный, словно хищная птица. Так началось ее увлечение экстремальным вождением. Юлия училась чувствовать машину: резкие повороты на сложной конфигурации трассы, контролируемые заносы

на специально подготовленном участке автодрома, езда в условиях ограниченной видимости. Однажды ранним утром, когда над полем висел густой туман, инструктор дал ей особое задание: провести машину по узкой учебной дорожке. Она была извилистой, с крутыми виражами и перепадом высот, имитирующей горный серпантин. Видимость едва достигала пяти метров: фары пробивали белую пелену лишь на пару шагов вперёд, а контуры трассы угадывались скорее интуитивно.

Юлия глубоко вдохнула, сжала руль, включила пониженную передачу и начала движение медленно и выверено. Каждый поворот требовал предельной концентрации: плавный газ, точная работа рулём, мгновенная коррекция при малейшем скольжении. Она не дёргалась, не тормозила резко. Точный расчёт, чувство машины и отточенные на тренировках навыки. Помогли ей справиться.

Когда она завершила маршрут и остановилась у финишного маркера, инструктор кивнул: — Отлично, Юлия. Именно так и выглядит настоящий контроль.

Она улыбнулась, выдохнула. Только тогда почувствовала, как дрожат от напряжения пальцы. Но это была хорошая дрожь: дрожь удовлетворения после испытания, которое она прошла с честью.

Но и этого ей было мало. Чтобы заглушить какую-то внутреннюю боль, Юлия добавляла в жизнь всё новые испытания. По субботам она мчалась на мотоцикле по просёлочным дорогам. Ветер свистел в ушах, асфальт уходил из-под колёс на крутых виражах, а адреналин обжигающе струился по венам. Она специально выбирала сложные маршруты: грунтовки с выбоинами, дороги с крутыми спусками, лесные тропы, где каждый метр требовал предельной концентрации.

По воскресеньям её манили высоты. Юлия записалась в парашютный клуб и вскоре совершила первый самостоятельный прыжок. В тот момент, когда она шагнула в пустоту с борта самолёта, время словно остановилось. Секунды свободного падения, резкий рывок раскрывшегося купола — и вот уже земля медленно приближается, а в груди разливается странное, почти первобытное чувство свободы. Она повторяла прыжок снова и снова, пока не научилась читать воздушные потоки, предугадывать порывы ветра и мягко приземляться даже при сильном боковом ветре.

Только заканчивались занятия в университете как она снова бежала на скалодром. Там она выбирала самые сложные маршруты не ниже 8b–9c: её пальцы находили зацепки там, где другие видели лишь гладкую стену. Дальше - больше. Она участвовала в экспедициях по выживанию в дикой местности. В тайге, с минимумом снаряжения, училась ориентироваться по звёздам и компасу, разводить огонь одной спичкой, находить питьевую воду, строить укрытия из подручных материалов.

В одной из таких поездок, в горах Алтая, их группа попала в непредвиденную ситуацию: из-за внезапного схождения лавины маршрут оказался отрезан, а связь пропала. Юлия вспомнила всё, чему научилась: они с товарищами соорудили укрытие из еловых веток, развели огонь в сырых условиях, организовали систему подачи сигналов. Дни тянулись медленно, но она сохраняла спокойствие, распределяла запасы, поддерживала боевой дух команды. Когда их нашли спасатели, инструктор лишь покачал головой:

— Ты вела себя так, будто родилась в этих горах.

Родители чуть не сошли с ума. Это стало последней каплей их терпения. Они поставили ультиматум: если она не оставит опасные увлечения, её без согласия выдадут замуж, а всё наследство переписут на мужа, а после рождения первенца — на ребёнка. Юлия не была бунтаркой, но замуж не пойдёт даже под дулом пистолета. Было тяжело, но постепенно её вытаскивали из адреналиновой зависимости. Она и сама понимала, что с опасными для жизни увлечениями пора прекращать.

Теперь ее утро начинается не с ударов и блоков. Вместо изнурительных тренировок по боевым искусствам день начинается с освежающей воды. Бассейн встречает её прохладной гладью — Юлия скользит по ней, размеренно работая руками. Ритмичные гребки, мерное дыхание, ощущение невесомости в воде. Здесь, в тишине под водой, мысли обретают ясность, а тело лёгкость.

Скалодром остался в её жизни, но теперь он не был проверкой на прочность, а стал пространством для размышлений. Пальцы ищут зацепки, тело помнит движения, но в голове уже нет прежней гонки. Теперь каждый подъём — это диалог с собой, возможность почувствовать связь между силой и спокойствием.

Вместо гонок по дорогам вернулись неторопливые прогулки вдоль набережной. Иногда она берёт фотоаппарат, чтобы поймать в кадр закатное небо или отражение деревьев в воде.

Вечерами, когда город зажигал огни, Юлия снова брала гитару. В эти минуты время замедлялось, и мир вокруг становился чуть более понятным и добрым.

Иногда душа просила движения, и она направлялась в студию «Шёпот каблуков». Там, она танцевала с девочками High Heels: вихрь джаза, хипхопа и плавной стриппластики, где каждый шаг — вызов, каждый поворот — элегантность, а каждый момент — свобода.

Друзья остались только настоящие, проверенные годами. Они знали: за этой внешней холодностью скрывается живая душа. Та самая девочка, которая в детстве залезала на самые высокие деревья, чтобы спасти котёнка, или собирала команду для благотворительного забега. Она помогала приютам для животных, организовывала мастерклассы по самообороне для девушек, спонсировала детские секции скалолазания — незаметно, без пафоса, просто потому что могла и хотела.

Однажды на соревнованиях по паркуру она встретила Макса. Высокий, подтянутый, с внимательным, цепким взглядом. Студент факультета робототехники и комплексной автоматизации МГТУ им. Н. Э. Баумана, он всегда подмечал малейшие ошибки в технике: то угол постановки ноги не тот, то распределение веса чуть сбилось. Макс не искал адреналин. Он искал решение. В паркуре и скалолазании его завораживала не высота и не риск, а точность и расчёт: как тело взаимодействует с рельефом, где точка равновесия, какой угол даёт максимальный выигрыш в силе. Он мог полчаса стоять перед стеной, изучая зацепки, как чертежи, прикидывая углы и векторы. Потом делал один точный шаг — и проходил участок, который другие штурмовали с пятой попытки.

После финального этапа, когда Юлия безупречно преодолела сложный участок с серией прыжков и акробатических элементов, Макс подошёл к ней. Он не делал комплиментов. Его интересовала техника.

— У тебя потрясающая техника на последнем участке, - сказал он, прищурившись, будто заново проигрывал в голове её движения. — Как ты рассчитала угол прыжка? Почему выбрала именно этот момент для разворота?

Они проговорили два часа о физике движений, угле наклона стен, распределении веса. Макс дополнял её рассуждения своими наблюдениями, предлагал альтернативные варианты прохождения участков, рисовал схемы на земле пальцем. Юлия ловила себя на том, что говорит свободно, не боясь показаться слишком увлечённой или «неженственной».

Но даже с Максом она держала дистанцию. Дружба — да. Поддержка — да. Общие тренировки, поездки на природу, споры о технике — пожалуйста. Но когда он однажды, глядя в небо после прыжка с парашютом, тихо спросил:

— Юль, а ты когда-нибудь дашь кому-то шанс?

Она лишь улыбнулась, поправила лямку рюкзака и ответила:

— Я даю шанс каждому дню. Этого достаточно.

И пошла вперёд, а рыжие волосы развевались на ветру, спина прямая, шаг уверенный. Мир вокруг был полон вызовов, а сердце... сердце оставалось неприступным. Может, пока. А

может, навсегда. Но одно было точно: она не собиралась меняться ради чьих-то ожиданий. Она жила так, как считала правильным: ярко, свободно, по своим правилам.

8b–9c— трассы высочайшей сложности, доступные только опытным спортсменам. цифра (от 5 до 9) — уровень технической сложности; буква (a, b, c) — градация внутри уровня (a — проще, c — сложнее); **High Heels**(Хай Хилс) — стиль, исполняемый на высоких каблуках. Сочетает элементы джаза, хип-хопа и стрип-пластики, делая акцент на женственности, элегантности, балансе и координации.

5. Игра по своим правилам

Юля стояла у массивных дверей Аэрокосмического факультета МГТУ им. Н. Э. Баумана, глубоко вдохнула и на мгновение прикрыла глаза. Четыре года учёбы здесь — бессонные ночи над расчётами, лабораторные в аэродинамической трубе, бесконечные формулы, споры с однокурсниками о траекториях и нагрузках — всё вело к этому дню.

В актовом зале было шумно: ребята фотографировались у баннеров, смеялись, перебрасывались шутками. Но когда объявили её фамилию, зал вдруг затих. Юля поднялась на сцену под аплодисменты, приняла из рук декана диплом с отличием и на миг замерла, глядя на красную корочку. Защищённый дипломный проект «Оптимизация аэродинамических характеристик малых космических аппаратов при спуске в атмосфере» открыл дверь в мир, о котором она мечтала еще до поступления.

Профессор кафедры динамики полёта, её научный руководитель, подошёл после церемонии:

— Юлия, Вы показали блестящую работу. Помните, как начинали с дрожью в руках над первыми чертежами? А теперь способны выполнить расчёты, которые действительно могут пригодиться в реальных миссиях. У меня есть предложение. Он рассказал про возможность пройти трёхлетнюю стажировку в АО «ВПК НПО машиностроения». На том самом предприятии, где Юля проходила практику последние два года. Там она уже не раз бывала: сначала просто наблюдала, потом помогала с документацией, проверяла чужие расчёты, а на последнем курсе даже участвовала в сборке макетов. Её ответственный подход и цепкий ум не остались незамеченными. Её будущее стало четким определенным и прозрачным.

Но теперь мама пыталась активно знакомить её с «подходящими» кандидатами — сыновьями подруг, успешными юристами, перспективными врачами. Юлия встречала их с безупречной вежливостью:

— Очень приятно, - улыбалась она, — но, знаете, я сейчас полностью сосредоточена на тренировках. Через месяц соревнования по скалолазанию, нужно подготовиться.

Или:

— Спасибо за приглашение, но я завтра уезжаю на сборы по паркуру. Возможно, в следующий раз...

«Следующий раз» никогда не наступал.

Для тех, кто не понимал и настойчиво приглашал Юлю повторно, друзья рассылали сообщение с заданиями:

«Привет! Чтобы доказать, что ты достоин Юли, пришли на этот номер видеодоказательство выполнения нескольких заданий: первое: пробежать 5 км за 25 минут и отжаться 20 раз, за 5 минут».

Для тех, кто выполнил задание и прислал доказательство направлялось новое сообщение, например:

«Молодец, ты прошел первый тур. А справишься ли ты со вторым?! Реши задачу и пришли видео своего решения: поезд длиной 100 м движется со скоростью 36 км/ч. Сколько секунд ему нужно, чтобы полностью проехать мост длиной 200 м? Видео отправь на этот номер».

Были даже те, кто доходил до третьего тура:

«Да ты красавчик, ты один из немногих кто дошел до третьего тура. И вот твое задание. Оно очень сложное. Ты уверен, что ты готов? Если да, то приходи по адресу Огородный пр., 10, стр. 6. и проведи день на скалодроме. Спроси там Владимира. Удачи!»

Кто-то сбегал сразу — прочитав про бег и скалолазание. Кто-то попытался решить головоломку, кто-то даже правильно решал, но на скалодроме, едва поднявшись на пару метров, побледнел и попросил страховку. А был и тот, кто почти прошёл все этапы: ловко лазал по стенам, быстро сообразил с головоломкой, даже слушал трехчасовую лекцию про аэродинамические профили. Но задания всегда появлялись новые. И позже он опубликовал в сторис фото с надписью:

«Выживание в лесу: день первый. Я думал, это свидание»

и потенциальные женихи стали исчезать из жизни Юли один за другим.

А кто ей звонил в обход испытаний или пытался с ней встретиться, получал от нее ответ:

— Прости, но сегодня у меня встреча как раз с тем, кто прошел все испытания, и я очень тороплюсь, - и убежала. *finita la commedia*.

И все шло прекрасно, пока не решил вмешаться папа.

Вечер в семейном особняке на Рублёвке выдался душным, хотя окна были распахнуты настежь. Лёгкий ветерок едва шевелил тяжёлые шторы, принося с собой ароматы цветущих роз из сада. Юля сидела в гостиной, углубившись в книгу по орбитальной механике. Страницы шелестели под её пальцами, а взгляд скользил по строчкам с формулами, словно она пыталась найти в них убежище.

Дверь бесшумно отворилась, и в комнату вошли её родители. Отец, высокий и статный, с привычным выражением властной уверенности на лице, остановился у камина. Мать, в элегантном вечернем платье, мягко опустилась на диван рядом с Юлей, её улыбка, отточенная годами светских приёмов, казалась одновременно тёплой и неумолимой.

— Юля, - начал отец, и его голос, привыкший отдавать распоряжения, прозвучал чуть мягче обычного, — завтра вечером ты приглашена на ужин с семьёй Вестерли. Павел — сын моего партнера. Очень перспективный молодой человек. Это очень важно для всех нас, прошу тебя не вести себя как обычно.

Юля не подняла глаз от книги, лишь чуть сдвинула брови, будто решала сложную задачу.

— Угу, - пробормотала она.

— Дорогая, - вмешалась мать, — это важная встреча. Мистер Вестерли рассматривает возможность расширения партнёрства с твоим отцом. Твой визит — часть делового этикета.

Юля медленно закрыла книгу, провела пальцем по корешку и подняла глаза:

— То есть я должна произвести впечатление на сына партнёра, чтобы папа получил контракт на гоночные школы?

Отец слегка нахмурился:

— Не драматизируй. Просто будь вежливой, общительной. Покажи, что ты достойная дочь своей семьи.

— Хорошо, - сказала Юля. — Я приду. Но не ждите, что я буду обсуждать преимущества гибридных двигателей или модные тенденции в дизайне болидов.

— Просто будь любезной. Этого достаточно, - отрезал отец.

На следующий день Юля встретила в кафе с Владимиром. Он сидел у окна с чашкой эспresso.

— Завтра ужин с Павлом Вестерли, - вздохнула Юля, усаживаясь напротив. — Родители рассчитывают, что я очарую его, а он, соответственно, меня. Но я не хочу этого. Нужно сделать так, чтобы он сам отказался от дальнейших встреч. Очень важно обойтись без скандала, без обид, чтобы родители ничего не заподозрили.

Владимир задумчиво покрутил чашку:

— Давай так: ты будешь предельно правильной, вежливой и благородной. А я «случайно» появлюсь в ресторане, подойду поздороваться. Заведу разговор о чём-нибудь... Что для эконо-

миста будет слишком экзотичным? Мм... Скалолазание, тренировки, маршруты — он почувствует себя не в своей тарелке и сам сделает вывод.

Юля улыбнулась:

— Думаешь сделает?! Главное - чтобы это выглядело естественно.

— Всё будет выглядеть абсолютно естественно, - заверил Владимир. — Я просто загляну поужинать после тренировки. А дальше - чистая практика.

На следующий вечер Юля вошла в ресторан «Звёздный бриз» — элегантный, но без излишеств, с видом на Москва-реку. Юля остановилась на мгновение у входа, позволяя взглядам присутствующих скользнуть по её облику. Её платье, цвета морской волны, с лёгкой вышивкой вдоль лифа, подчёркивало стройную фигуру, но не выглядело вызывающе. Она и правда выглядела неземной красавицей, словно сошла с обложки журнала о светской жизни, но при этом сохраняла какую-то непокорную естественность. Она полдня провела в салоне, чтобы соответствовать своему статусу и не разочаровать любимых родителей. Волосы, уложенные мягкими волнами, обрамляли лицо, а макияж, лишь подчёркивал природную свежесть: лёгкий румянец, блеск на губах и голубые глаза, в которых сейчас читалась смесь иронии и решимости.

Она сделала несколько шагов вперёд, и отец тут же выпрямился, а мать едва заметно кивнула, одобряя её внешний вид. Павел уже ждал её за столиком у окна: подтянутый, аккуратный, в строгом деловом костюме угольного цвета и белоснежной рубашке. В руках он держал не букет цветов, а папку с документами. Его поза была безупречной: прямая спина, скрепленные ноги, взгляд, нацеленный на дверь, словно он репетировал каждое движение. Рядом с ним сидели родители Юли и сам мистер Вестерли. Роберт Генрихович Вестерли — мужчина с благородной осанкой и седыми висками, в тёмносером твидовом пиджаке и бордовом галстуке. Он занимал центральное место за столом, словно подчёркивая свой статус. В его манере держаться читалась спокойная уверенность человека, привыкшего к уважению: он не говорил громко, но каждое его слово имело вес. Сейчас он беседовал с Максимом Игоревичем, отцом Юли, и время от времени бросал оценивающие взгляды на девушку.

Мистер Вестерли приподнял бровь, оценивая её появление, и слегка кивнул в знак приветствия. Павел поспешил навстречу.

— Юлия, добрый вечер! - чуть не опрокинув бокал, выпалил впечатлённый Павел — Очень рад вас видеть. Простите за папку — только что из офиса, не успел захватить домой.

Юля улыбнулась вежливо и сдержанно, так, как учили на уроках этикета ещё в детстве.

— Ничего страшного, - она села, раскрывая меню. — Приятно познакомиться.

— О, я много слышал о Вас! - Павел улыбнулся, но улыбка вышла немного натянутой. — Вы увлекаетесь скалолазанием? Впечатляет.

— Да, это помогает держать эмоциональный баланс - кивнула Юля. А папа был доволен примерным поведением дочери.

Разговор пошёл о погоде, Москве, планах на лето. Павел рассказывал о работе в офисе отца, о квартальных отчётах, прогнозах роста рынка — сухо, поделовому, но с явным желанием произвести впечатление. Юля кивала, вежливо улыбалась, но в глазах читалась отстранённость.

И тут, словно по волшебству, у их столика возник Владимир.

— Юлия? Какими судьбами? - его улыбка была искренней, а взгляд — чуть насмешливым. — О, простите, не помешал?

— Вовсе нет, - Юля изобразила радость. — Познакомьтесь, это Владимир, мой друг и товарищ по скалолазному клубу. Володя, это Павел Вестерли и его отец Роберт Генрихович.

Владимир пожал руки мужчинам:

— Рад познакомиться. Кстати, Юлия, ты помнишь тот маршрут на «Скале ветров»? Мы вчера с ребятами все-таки его прошли. Твой рекорд побит. Три часа висели на вертикальной

стене, ветер такой, что чуть не сдуло! А потом спуск, и тут главное рассчитать момент, когда отпустить страховку...

Павел слегка напрягся, но попытался поддержать разговор:

— Ээ... да, наверное, это очень... экстремально.

— Ещё бы! - воодушевился Владимир. — А в прошлый раз мы пробовали новый маршрут. Там такой козырёк, что без правильной техники точно сорвёшься. Мы даже верёвки меняли на ходу, старые не выдерживали нагрузки!

Павел нервно улыбнулся. Отец Юли, до этого молча наблюдавший за беседой, вдруг оживился:

— А знаете, - вставил он, — в гонках тоже важна техника. Однажды я на треке чуть не вылетел на повороте — ветер, дождь, видимость ноль. Но я почувствовал машину, понял момент...

— Вот-вот! - подхватил Владимир. — Это как у нас: ты либо чувствуешь стену, либо нет. У нас инструктор говорит: «Если сомневаешься — не лезь».

— Да-да, - Павел нервно поправил галстук. — Очень интересно, конечно, но... знаете, я, пожалуй, оставлю вас ненадолго. Нужно срочно проверить один отчёт — кажется, я забыл отправить важное письмо клиенту.

Он встал, слегка поклонился:

— Юлия, было очень приятно познакомиться. Надеюсь, мы ещё увидимся... когда у меня будет больше времени.

— Конечно, Павел, - улыбнулась Юля. — Всего доброго.

Павел быстро направился к выходу, чуть ли не бегом. Отец Юли проводил его недоумённым взглядом, потом повернулся к Юле:

— Юля, ты опять... - начал было Максим Игоревич, но она перебила его:

— Ну что, пап, - спокойно ответила Юля. — Я ничего не делала и не выдумывала, я такая, какая есть. Ну не притворяться же мне с ним, в самом деле. Мне не интересны квартальные отчёты и биржевые сводки — это не моя стихия, а ему не интересны мои увлечения.

— Позвольте мне прояснить ситуацию, - голос Роберта Генриховича звучал ровно и рассудительно. — Думаю, мы все понимаем, что произошло. Наши дети замечательные молодые люди, но, похоже, их жизненные приоритеты и интересы слишком разнятся.

Максим Игоревич нахмурился:

— Роберт Генрихович, я приношу извинения за поведение дочери...

— Никаких извинений, - Вестерли поднял ладонь в успокаивающем жесте. — Напротив, я восхищаюсь её искренностью. В наше время это редкое качество, - Роберт Генрихович улыбнулся, — Что ж, предлагаю тост за наше будущее сотрудничество — без каких-либо дополнительных условий.

Он поднял бокал. Максим Игоревич, после короткого колебания, последовал его примеру. Виктория Андреевна и Юля присоединились к тосту. Владимир, стоявший рядом, тоже взял бокал с минералкой:

— За успех проекта! - произнёс он.

Когда ужин подходил к концу, Роберт Генрихович произнёс:

— Знаете, я даже рад, что всё сложилось именно так. Теперь мы можем строить отношения на честности и взаимном уважении.

Максим Игоревич пожал ему руку:

— Полностью согласен.

Юля почувствовала, как напряжение, сковывавшее её весь вечер, наконец отпустило. Она посмотрела на мать, и та подмигнула ей в ответ без слов, но так, что стало ясно: всё хорошо. Она была довольна: ей удалось сыграть по своим правилам — не нарушив приличий, не поссорившись с родителями и сохранив верность себе.

finita la commedia— «комедия окончена».

6. Объект Ю7: Необычный паттерн

Быстро приняв душ, Юлия натянула джинсы и футболку с логотипом МГТУ, схватила рюкзак и выбежала из квартиры. Утренний город дышал прохладой и свежестью, но она почти не замечала этого. Все ее мысли были там, в лаборатории, где ждали недоделанные расчёты.

Медцентр предприятия встретил её стерильной чистотой и запахом антисептиков. Просторный холл с панорамными окнами, мягкие кресла вдоль стен, на стойке регистрации — приветливая сотрудница в светлоголубом халате.

— Юлия Вольская, стажёр отдела аэродинамики, - представилась Юлия.

— Да-да, вас уже ждут, - улыбнулась та, протягивая пропуск. — Третий этаж, кабинет 307. Доктор Раум Эдуард Валерьевич проведёт осмотр.

Поднимаясь на лифте, Юлия разглядывала сотрудников в белых халатах, снующих по коридорам. Всё здесь дышало профессионализмом и порядком. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять лёгкое волнение: «Всего лишь формальность. Пройду за полчаса и вернусь к расчётам».

Доктор встретил её у двери кабинета. Он был высокий, с пронзительно-серыми глазами и сдержанной улыбкой. Его белый халат сидел безупречно, а пальцы, когда он листал карту, двигались с какой-то особой точностью, будто каждое движение было выверено годами практики.

— Добрый день, Юлия, - его голос звучал ровно, профессионально. — Проходите, присаживайтесь. Стандартный осмотр после первого месяца стажировки. Ничего пугающего.

Кабинет был светлым, с панорамным окном, выходящим на территорию предприятия. На стенах висели сертификаты и дипломы в рамках, на столе стоял планшет с мерцающим экраном. Всё выглядело привычно: тонометр, стетоскоп, набор для забора крови.

Осмотр начался с обычных процедур: измерение давления, ЭКГ, стандартные вопросы о самочувствии. Юлия отвечала машинально, думая о том, какие поправки внести во вчерашние расчёты. Но потом доктор предложил пройти несколько дополнительных тестов. Как он объяснил Юле, для научной программы предприятия по изучению адаптации молодых специалистов.

— Сейчас возьмём ещё один образец крови, - сказал Эдуард, ловко накладывая жгут. — И сделаем экспресс-анализ на биомаркеры стресса. У нас новая методика, очень точная.

Юля не задумываясь послушно протянула руку. Игла вошла почти незаметно. Доктор внимательно следил за показаниями на экране, где бежали графики и формулы. Что-то в них привлекло его внимание. Юля в этом ничего не понимала, но видела, как линия на графике дрогнула, затем резко выровнялась, образовав необычный паттерн. Доктор едва заметно нахмурился, сделал пометку в планшете, но ничего не сказал.

— Эдуард Валерьевич, что-то не так? – распереживалась Юля

— Всё отлично, - улыбнулся он. — Можете возвращаться к работе. Результаты отправим в отдел кадров.

Когда Юлия вышла из кабинета, Эдуард задержался у сканера. Он увеличил фрагмент графика на экране, вглядываясь в причудливую вязь линий и цифр. Сочетание генетических маркеров, высветившееся перед ним, выглядело необычно. Он на мгновение замер, забыв обо всём вокруг. Такое сочетание было редким, почти невозможным для обычного человека: какие-то фрагменты выстраивались в последовательность, которую он видел лишь однажды, во время обучения в Элэрии.

«Интересно», — подумал он, чувствуя, как внутри просыпается давно забытое волнение. Пальцы быстро пробежались по сенсорной панели, сохраняя данные в зашифрованный архив: глубоко, под слоями протоколов и паролей, куда не добраться без специального доступа.

Но тревожить правителя Элэрии пока не стал. Слишком мало информации, слишком много «если».

Доктор откинулся на спинку кресла, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику. Он знал, что работники и стажеры АО «ВПК НПО машиностроения» регулярно проходят медосмотры, по установленному графику. Юля должна будет прийти снова примерно через полтора года. Этого времени будет достаточно, чтобы введённый им сегодня препарат проявил себя, если его подозрения подтвердятся. Крошечная микрокапсула, незаметно внедрённая под кожу вместе с обычным забором крови должна была запустить тонкую цепочку биохимических реакций, которые проявят себя, высвечивая скрытые маркеры совместимости, либо их отсутствие.

Он закрыл архив, стёр следы активности и ещё раз окинул взглядом кабинет. Всё выглядело привычно: стерильная чистота, ровное гудение аппаратуры. Доктор отметил про себя: «Объект Ю-7. Начать наблюдение». И улыбнулся, едва заметно, почти неуловимо.

Полтора года пролетели незаметно. Юлия погрузилась в работу, участвовала в проектах, оттачивала навыки. Она почти забыла о том первом осмотре — пока не пришло уведомление о плановом медосмотре. Приказ есть приказ: плановый медосмотр обязателен для всех. Юлия снова стояла перед дверью кабинета 307.

— Проходите, Юлия, - Эдуард встретил её всё той же сдержанной улыбкой. — Сегодня у нас расширенная программа.

Под видом анализа предрасположенности к профессиональным заболеваниям Эдуард проверял генетический профиль.

Тонкий зонд коснулся кожи на запястье, оставив едва заметную точку. Юлия едва почувствовала прикосновение, а на экране уже замелькали цепочки ДНК, как разноцветные линии, складывающиеся в узоры, понятные только доктору. Эдуард внимательно следил за данными, изредка кивая, будто сверяясь с внутренними критериями.

Юлия молча наблюдала за процессом.

Затем последовал тест на иммунный ответ. Капля реагента легла на кожу предплечья, и датчики тут же зафиксировали едва уловимое изменение температуры. Это был микроскопический всплеск, который обычный врач даже не заметил бы. Но аппаратура была настроена на иное: она ловила тончайшие реакции, записывала их в память, сопоставляла с эталоном.

Далее он проверял гормональный баланс. Игла вошла почти незаметно, забрав несколько капель крови для расширенного анализа. Доктор наблюдал за показаниями, время от времени делая пометки в планшете. Его взгляд задерживался на определённых строках, а брови его чуть приподнимались от удовлетворения результатами.

И наконец, биохимическая совместимость. Юлия почувствовала лёгкий укол на сгибе локтя, а через мгновение экран сканера засветился мягким голубым светом. Это был хороший знак: реакция шла именно так, как рассчитывал Эдуард. Микрочипы, имитирующие взаимодействие с неизвестным биоматериалом, подтвердили то, что он подозревал ещё полтора года назад.

— Ваши показатели стабильны, - произнёс доктор, скрывая волнение за привычной интонацией.

— Спасибо, доктор. До свидания, - вежливо попрощалась Юлия

Когда она вышла он активировал передачу данных в Элэрию.

«Объект Ю7 демонстрирует полное совпадение по ключевым маркерам».

Вечером того же дня в тронном зале Элэрии Верон Крон получал отчет по отобранным кандидатам, в том числе и по данным Юли. Рядом стояли советники и специалисты по подбору. Голограмма перед ними показывала трёхмерную модель генетического кода, переливающаяся всеми оттенками синего и золотого.

— Объект Ю7 превосходит всех, - произнёс главный советник, указывая на графики. — на своей планете она никто, простолюдинка. Но ее иммунная система, генетический профиль, гормональный баланс — всё идеально подходит. Даже лучше, чем у отобранных четырех принцесс с соседних планет.

— На сколько я знаю, на Земле нет единоличного правления. Ладно. А принцесса Аэлисса с планеты Саризель. У нее какие показатели?

— принцесса на втором месте по совместимости среди всех кандидаток, но ее показатели очень далеки от показателей девушки с Земли. Раньше мы никогда не интересовались этой планетой, видимо зря. Доктор Элиан совершенно случайно выявил девушку. Он вообще проводил работы по другому проекту. Если большинство земных девушек с такими показателями, мы легко решим нашу демографическую проблему.

Верон Крон кивнул, его взгляд задержался на изображении Юлии — сосредоточенное лицо во время теста, лёгкая испарина на виске, упрямый изгиб губ.

— Иницируйте протокол «Звёздные врата», - распорядился Верон. — Нужно проверить ее еще на физические и когнитивные показатели. Жители Земли очень хрупкие для Эларии, мы должны понимать, что не зря тратим столько ресурсов. Если девушка подойдет устроим отбор. Датчики и графики это одно, но жена моего сына должна вести себя достойно.

— Слушаюсь Вас, повелитель. В ближайшее время организую дополнительные исследования, - доложил доктор. Ему было так приятно, что его имя еще не забыто в Эларии. Хотя он сам уже полностью свыкся со своим новым именем Эдуард.

Новость о проекте «Звёздные врата» взорвала предприятие. Разработка малых космических аппаратов нового поколения, возможно даже и участие в международной миссии. Юля не могла поверить своему счастью, когда её имя появилось в списке кандидатов.

перед финальным отбором — срочный медосмотр.

— Но я же только что прошла плановый медосмотр. Разве этого недостаточно?

— Вольская, ты что вздумала перечить начальству? Не хочешь мы тебя заменим, желающих много на твое место.

— Нет конечно, я завтра же пройду медосмотр, извините.

Теперь тесты были комплексными, охватывающими все аспекты:

Все началось с физических нагрузок: беговая дорожка с имитацией перегрузок, тесты на выносливость и координацию. Юлия бежала, чувствуя, как мышцы наливаются тяжестью, а датчики фиксировали каждый удар сердца, каждый вдох. Никогда она еще так не уставала. Она еле стояла на ногах. Когда ее посадили в кресло она прикрыла глаза.

Затем под видом «проверки устойчивости к космическому излучению» ей ввели микродозу реагента. Кожа на предплечье слегка зачесалась, а на экране замигали символы, складываясь в идеальную картину совпадения. Следом — кожный тест с микродозами другого вещества (якобы для «оценки аллергического статуса»).

Юля уже мечтала сбежать из этого кабинета, но сказали, что это еще не все. Впереди самое сложное задание.

Он начал нейрокогнитивные исследования: сканирование мозга в состоянии покоя и под нагрузкой, тесты на скорость принятия решений в стрессовых условиях. Задачки решать для нее не проблема. Перед глазами мелькали голографические фигуры, которые нужно было мысленно вращать и сопоставлять, а датчики отслеживали активность нейронов.

Юля была просто выжата как лимон она даже не обратила внимание что включена онлайн конференция. В углу появился логотип Эларии и имя «Верон Крон». Доктор произнёс в микрофон:

— Объект-Ю7 показывает полное совпадение по всем параметрам биологической совместимости. Физические и когнитивные показатели — на уровне элиты.

Юля отключилась и не слышала всего диалога. Одно она поняла точно: «она прошла».

На следующий день, Юля шла по коридору предприятия, представляя, как завтра получит допуск к проекту «Звёздные врата». В голове кружились мысли о расчётах, траекториях, материалах... Она улыбнулась, чувствуя прилив сил.

В кармане завибрировал телефон, пришло сообщение от Владимира: «Ну что, прошла свою инквизицию? Завтра на скалодром? Надо отпраздновать!» Юлия улыбнулась и набрала ответ: «Прошла. И кажется, меня возьмут в "Звёздные врата". Встретимся в шесть!»

Небо над городом казалось особенно близким, будто манило её за собой, обещая тайны, о которых она пока даже не подозревала. Она ещё не знала, что совсем скоро её ждёт путь к звёздам, но не тот, о котором она мечтала.

Паттерн (от англ. pattern — «шаблон», «образец») — это повторяющаяся закономерность или характерный рисунок в каких-либо данных.

7. Элария: бремя Дарена

Под светом Астеса, жёлто-оранжевого светила, что сияет чуть ярче и крупнее земного Солнца, раскинулась Элария — мир, удивительно похожий на Землю, но шагнувший дальше в развитии технологий.

Дарен Крон шёл по широкому проспекту мегаполиса, едва замечая красоту вокруг. Его шаги были размеренны, но в глазах читалась тревога: «Ещё один цикл без решения и Элария потеряет шанс на возрождение», - думал он.

Высокий, атлетически сложенный, он двигался с грацией хищника, знающего цену каждому своему шагу. Широкие плечи, чётко очерченные мышцы рук и спины, лёгкая пружинистость походки, будто он в любой момент готов сорваться в прыжок или уклониться от невидимой угрозы. В его серо-стальных глазах иногда появляется едва уловимый серебристый отблеск — древняя метка крови Кронов, наследие рода, веками правившего Эларией. В моменты гнева или сосредоточенности этот отблеск становился ярче, словно внутри него пробуждается древняя сила, готовая вырваться наружу.

По проспектам неспешно прогуливались элариане: кто-то погружён в голографические схемы, кто-то любит отражением Астеса в зеркальных фасадах. Деревья с глянцевыми листьями шелестели, а над головами бесшумно скользили аэрокары: не на бензине с ревущими двигателями, а на магнитной подушке или за счёт компактных термоядерных ячеек. Их плавные траектории выписывают в небе изящные дуги, ни разу не пересекаясь: система автопилота просчитывает маршруты с безупречной точностью.

Дарен невольно засмотрелся на одну из машин: «Когда-то я мечтал просто летать», - мелькнуло в голове, - «Теперь же каждый маршрут — обязанность».

Он остановился у края тротуара, его взгляд скользнул на запястье. Тонкий браслет с мерцающими символами показывал: до конца Зенара оставалось всего несколько тактов.

Время в Эларии измеряется иначе. Период от восхода до восхода Астеса делится на Лучезар, Зенар, Сумрак и Нокт, а ритмы жизни задают риты, такты и миги, отсчитываемые по пульсации особых кристаллов, добываемых в горных районах. Они мерцают разным цветом в такт эфирному фону, словно живые сердца мира.

Эта точность — творение рук элариан, но есть на Эларии и другая, изначальная точность: ритм природы, повторяющийся каждые 118 циклов. Зар пробуждает природу от зимнего сна: первые ручьи сбегают по склонам, а на ветках набухают почки. Рейн окутывает земли ароматами цветущих садов, наполняя воздух запахом разнотравья, миндаля и цитрусовых. Торн дарит щедрый урожай. В его время поля золотятся колосьями, а сады ломятся от плодов. А Кел погружает мир в холод, покой и тишину — снег укрывает леса и города. В период, когда Кел вступает в свои права, даже аэрокары двигаются как-то медленнее, будто подчиняясь всеобщему замедлению жизни.

Так же неизменно, как и смена фаз, каждый раз, когда наступает Нокт, небо озаряется мягким серебристым сиянием Селы, большой луны, и изредка — тревожным красноватым отблеском Вейр, меньшей луны, появляющейся раз в три септара. С её восходом меняется сам ритм планеты: в морях бушуют мощные приливы, а в воздухе словно сгущается особая энергия, которую учёные называли «эфирным фоном». Он не позволяет творить чудеса по взмаху руки, но влияет на технологии и природу, как гравитация или магнитное поле.

В этот момент его коммуникатор издал короткий тревожный сигнал: на дисплее замерцали символы нестабильности эфира. Дарен нахмурился, такие сбои обычно усиливались перед появлением Вейр.

Взгляд Дарена скользнул к горизонту, где за чертой мегаполиса темнели очертания горного хребта. За ним, в сотнях километров отсюда, находился опасный Красный лес — место, куда никто из горожан не решался заходить без крайней необходимости.

Он вспомнил рассказы охотников. Как за одну ночь лес преобразается: сначала нежно-коралловый, потом алый, затем тёмно-багровый, пока не превращается в колышущееся море кроваво-красных оттенков. Это не просто смена пигментации: растения активируют симбиотические связи с эфирным полем, накапливая энергию. Вместе с этим изменением выходят на охоту вейрлисы — хищники, чья физиология синхронизирована с циклом Вейр. Их шерсть отликает металлическим блеском, а глаза светятся тусклым жёлто-оранжевым светом — словно маленькие отражения самого Астеса.

«Они не просто звери», - размышлял Дарен. «Они — часть системы. Как кристаллы, отсчитывающие ритмы. Как приливы, бушующие с восходом Вейр. И я тоже часть этой системы», - осознал Дарен. «Если вейрлисы чувствуют Вейр за сотни километров, то я из рода Крон, должен почувствовать, кто станет ключом к возрождению Эларии».

С этой мыслью он решительно направился к башне.

Высоко на вершине горы сверкала Аксис Башня — резиденция рода Крон. Её гладкие поверхности из самовосстанавливающегося композита переливались оттенками стали и серебра, украшенные неоновыми линиями цианового цвета, складывающимися в сложные геометрические узоры. Эти линии не просто декор, они служат индикаторами состояния систем башни, транслируя потоки данных в реальном времени: то разгораясь ярче, то затухая в такт дыханию планеты.

Три массивные башни стабилизатора обрамляют центральный шпиль, устремлённый к небу. Их вершины венчают гравитационные антенны, улавливающие сигналы со всех уголков Эларии и за её пределами.

Внутри пространство дышит роскошью и технологиями: стены залов трансформируются в интерактивные панели по одному жесту, а мебель подстраивается под анатомию пользователя. Умные системы регулируют освещение и температуру с учётом биоритмов эларианина, создавая ощущение не холодного прогресса, а заботливого, почти живого пространства.

Дарен замедлил шаг, глядя на башню. «Скоро предстоит принять решение, которое изменит всё.»

Вход в башню представлял собой голографический шлюз, реагирующий на биометрические данные и нейрокоды членов рода Крон. При приближении Дарена шлюз плавно растворился, открывая доступ внутрь. Пол перед входом - не просто поверхность, а интерактивный дисплей, отображающий карту Эларии с отметками о перемещениях.

Жилые покои семьи Крон сочетали роскошь и функциональность. Здесь технологии служили не только практическим целям, но и эстетическим: световые потоки создавали иллюзию звёздного неба, переливаясь, как далёкие галактики, а климат-системы поддерживали идеальный микроклимат: едва уловимый аромат цветущих деревьев смешивался с чистым, свежим воздухом.

Обсерватория на вершине башни была заполнена оптическими сенсорами и квантовыми телескопами. Отсюда открывался доступ к основной базе данных Эларии: от древних легенд до новейших научных открытий. Сквозь огромные линзы древних телескопов можно было увидеть не только звёзды, но и тонкие нити магических потоков, пронизывающих реальность.

Глубоко в недрах Аксис Башни, за лабиринтом защитных барьеров и чарами древних магов, скрывалась сокровищница — сердце богатства всей Эларии. Но Дарен прошёл мимо. Он знал, что там дальше будут тяжёлые двери, испещрённые рунами защиты. Они скрывают три зала сокровищницы.

Первый зал залит мягким голубоватым светом. Здесь хранятся луминары: отечканенные диски из вечного луминита. Ими расплачиваются в городах, одаривают в знак почтения. Рядом

лежат весты — мелкие серые монеты из тенелита с перламутровыми прожилками. Основа повседневного оборота.

Во втором зале, на постаменте из чёрного обсидиана, виден кусок необработанного луминита с яркими вкраплениями астралита. Его грани ловили свет и рассыпали радужные блики. Такими самородками оплачивают только крупные покупки: замки, древние артефакты и прочее. Их ценность определяется не весом, а редкостью узора.

Третий зал кажется пустым, но за невидимым барьером, мерцает голографический дисплей. Здесь богатства уже не груды металла, а цифры в защищённых реестрах. Доступ открывается по нейрокоду, переводы мгновенны через порталы гильдий.

Сокровищница не просто хранит — она управляет. И за всем этим, как незримый дирижёр, стоял род Крон.

Дарен вошёл в обсерваторию. Лира Крон - его мать, изучала голограмму древнего пророчества. Его строки мерцали в полутьме, словно напоминая о забытых временах:

«Когда в домах элариан дети перестанут рождаться, а магия — течь по жилам, явится та, что пробудит Сердце Элариш. В ней — ключ. Лишь с ней наследник Кронов пробудит древнюю магию. Их союз станет мостом между мирами, а потомство — началом новой эры, и возродится сила Элариш».

— Мама, - Дарен подошёл ближе, стараясь унять внутреннюю злость. — Ты веришь в это? В пророчество?

Лира подняла глаза. В них читалась надежда, смешанная с тревогой.

— Верю, - тихо ответила она. — Иначе зачем бы мы всё это хранили?

Слова ударили в самое сердце. В этот миг он осознал масштаб своей задачи, как будущего правителя. Элария находилась на грани вымирания. В поселениях рождалось всё меньше детей, древние роды угасали, а магия ослабевала. Причина крылась в уникальной особенности расы эларион: зачатие становилось возможным лишь при истинном согласии, глубоком эмоциональном и духовном единении. Без этого даже самые подходящие по генетике пары не могли дать потомство.

Для Дарена брак был не вопросом сердца, а тяжёлым долгом, который тяготил его душу. Его отец видел в этом союзе шанс укрепить положение рода. Несколько циклов назад он отдал приказ: найти пару для наследника, соответствующую строгому генетическому профилю и обладающую биохимической совместимостью с родом Крон. Отбор шёл тщательно, скрупулёзно: словно создание идеального сплава. Из множества претенденток выбрали только четырёх, с разных соседних планет. Только их показатели были более или менее подходящими роду Крон.

— Но что, если ключ не в какой-то избранной, - голос Дарена зазвучал твёрже, — а в восстановлении связи с эфирным фоном? Что, если мы ищем решение не там?

— Мы должны проверить все возможности, - твёрдо сказала Лира. Она коснулась панели управления, и в воздухе возникли четыре голографические проекции девушек.

— Первая, Аэлисса с Саризэля, - начала Лира. — Потомок древней магической династии. Видишь эти едва заметные серебристые искры вокруг её рук? Это врождённая способность манипулировать эфирными потоками на базовом уровне.

Девушка поражала изяществом. Высокая, с пронзительными синими глазами.

— Вторая, Мирэла с Технориса, - продолжила Лира. — Гениальный инженер и изобретатель. Видишь этот браслет на её запястье? Она сама спроектировала его — он синхронизируется с её аурой и позволяет управлять сложными механизмами силой мысли.

Девушка выглядела словно дитя, впервые увидевшее звёзды. Стройная, с серебристыми волосами. Сразу видно, что она искренне поверит всему, что ей скажут.

— Третья, Лириана с Эквилиума, - голос Лиры стал мягче. — Обладает уникальной способностью чувствовать линии силы: те самые нити магических потоков, что пронизывают реальность. Может определять очаги дисбаланса эфира.

Эта девушка выглядела статной, с безупречной осанкой, но в глазах её читалась неуверенность и сомнение. Про таких говорят, что они ищут одобрения у окружающих.

— И последняя, Киара с Велтариона, - Лира сделала паузу. — Потомственная целительница, дочь посла древней империи. Её аура обладает стабилизирующим эффектом: она может успокаивать нестабильные потоки эфира, снимать боль, ускорять заживление ран.

Девушка имела тёмные волосы, заплетённые в сложную косу, что подчёркивало её гордый профиль. Во взгляде читалась уверенность.

— Я сделаю всё, что нужно, - произнёс Дарен твёрдо, сжимая кулаки. — Но если выберу не ту и это только ускорит угасание эфира... Я не могу рисковать будущим Элории ради удобства или традиций.

— Ты — последний из прямой ветви. На тебе лежит бремя, которое не нёс ни один Крон до тебя. Но я верю, что ты справишься, - в дверях стоял Верон Крон, Верховный Правитель Элории. Его голос звучал твёрдо, но в глазах читалась отеческая забота.

Мать Дарена, тайно сочувствовала сыну. Она видела, как давит на него груз ответственности, как в его глазах, вспыхивает отблеск крови Крона, мелькает тень сомнения. В такие моменты ей хотелось подойти, положить руку на плечо и сказать: «Ты не обязан идти на жертву». Но она молчала. Долг сильнее личных переживаний, а судьба Элории, зависит от одного правильного выбора.

Рит – час, такт – минута, миг - секунда

Цикл - сутки

Фаза – сезон (3-4 мунара/ 39-40 циклов); мунар - месяц

Септар - неделя

Примерно так выглядят четыре Невесты Дарена: Аэлисса с Саризэля (шатенка), Мирэла с Технориса (блондинка), Лириана с Эквиллума (брюнетка с распущенными волосами) и Киара с Велтариона (тёмные волосы, заплетённые в сложную косу)

8. Кванториум: путь к Земле

Родители Дарена уже считали его союз с Аэлиссой лишь вопросом времени: ведь наследная принцесса превосходила остальных трёх кандидатов по всем показателям совместимости, и хотя о помолвке не было объявлено ни эларианам, ни сариэльцам, обе семьи в этом не сомневались.

Но судьба распорядилась иначе.

Когда Доктор Элиан, давно улетевший на Землю, прислал свой отчет по биохимическим показателям земной девушки Юлии - стало ясно, что Аэлисса сильно проигрывает ей. Выяснилось, что и физиология землян гибко адаптируется к эфирному фону Эларии, а их эмоциональная открытость она не просто высокая, она избыточная, чего очень не хватает эларианам и их соседним расам.

— Ты отправишься на Землю в начале Лучезара, - голос отца, Верона Крона, Верховного Правителя Эларии, звучал непреклонно.

Дарен стиснул зубы, с трудом сдерживая вспышку раздражения. В зале Совета повисла тяжёлая тишина.

— Зачем мне лететь ради какойто человечки, которая не имеет ни статуса, ни магии? - резко бросил Дарен, поднимая взгляд на отца. — Пусть летит Генерал Берн и привезёт её. Я не...

— Ты полетишь, - перебил Верон, и в его голосе зазвучала сталь, которую Дарен знал с детства. — И не перебивай. Ты возглавишь проект «Звёздные ворота», на Земле все для тебя подготовлено. Найдешь эту девушку и сделаешь все, чтобы она прибыла сюда на отбор невест.

Верховный Правитель поднялся с трона из цельного луминита, шагнул к панорамному окну. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне алых лучей Астеса.

— Она — наше будущее, - продолжил Верон, оборачиваясь. — Она должна влюбиться в тебя и по доброй воле. Иначе всё зря.

Дарен сжал кулаки. Он знал этот тон, спорить бесполезно.

— Хорошо, отец, - произнёс он сдержанно. — Я полечу.

— Возьми для этой миссии «Кванториум» — это уникальная разработка с планеты Технорис. Он намного быстрее старых моделей. Это мой тебе подарок. Ступай.

«Кванториум» ждал его на стартовой платформе — не просто корабль, а словно живое существо из металла и энергии. Его корпус состоял из динамических нанопластин, которые непрерывно перестраивались, меняя цвет: то отливали глубоким сапфиром, то вспыхивали золотыми всполохами.

Дарен подошёл ближе. Корабль почувствовал его присутствие: пластины зашевелились, образуя дорожку к шлюзу. Воздух вокруг «Кванториума» мерцал от статического электричества, а в основании пульсировали гравитационные катушки, создавая едва заметную рябь в пространстве.

— Впечатляет, да? - раздался голос за спиной.

Дарен обернулся. Рядом стоял Лерон, главный инженер флота Эларии: невысокий, жилистый, с глазами, вечно прищуренными от работы с микросхемами.

Инженер поднял руку, и «Кванториум» отозвался: одна из пластин отделилась от корпуса, плавно подлетела к Лерону и зависла перед ним, как преданный пёс.

— Биоморфный интерфейс, - пояснил инженер. — Корабль считывает намерения пилота на уровне нейронных импульсов. Хочешь повернуть, а он уже поворачивает. Хочешь уско-

риться — он уже ускоряется. Он даже предугадывает, куда ты захочешь посмотреть, и подстраивает иллюминаторы.

Дарен сделал шаг вперёд и положил ладонь на корпус. Металл под пальцами оказался тёплым и слегка вибрировал, будто сердце гигантского зверя.

— И как им управлять?

— Надо надеть нейроинтерфейс «Синапс», - подмигнул Лерон. — Просто подумай и «Кванториум» сделает.

Устройство напоминало тонкий обруч из полупрозрачного материала с перламутровым отливом. При ближайшем рассмотрении видно, что он состоит из микроскопических волокон: квантовых нейропроводников, сплетённых в сложную сеть. По окружности расположены крошечные сенсоры размером с песчинку — они не давят на кожу, а словно парят над ней на магнитной подушке.

Дарен осторожно поднял обруч. Тот оказался неожиданно лёгким, почти невесомым. Принц помедлил и надел его. Устройство мягко обхватило голову, сенсоры едва ощутимо коснулись висков. На внутренней стороне обруча замерцал голографический индикатор: 15%. Дарен подумал о старте. Не успел он закончить мысль, как индикатор вспыхнул синим — 87%. В сознании возникло чёткое ощущение: корабль готов.

— Впечатляет, - прошептал Дарен.

Он представил, как «Кванториум» поднимается над платформой. В тот же миг корпус корабля заиграл сапфировыми всполохами, гравитационные катушки загудели на низкой частоте, а нанопластины перестроились в стартовую конфигурацию.

Индикатор на обруче показал 98%. Дарен почувствовал лёгкое покалывание в затылке, не дискомфорт, а скорее присутствие: корабль был здесь, внутри его разума, единый с ним в едином порыве.

— Лерон, а как это работает? У нас возродилась магия? - Дарен подумал, а вдруг найдено решение и никакой отбор и тем более человечка ему не нужны. Но нет.

— Никакой магии, - усмехнулся инженер. — Всё строго научно. Микросенсоры создают локальную квантовую запутанность с нейронами пилота. Проще говоря, они улавливают намерение ещё до того, как ты его осознаёшь — по первичным электрическим импульсам мозга.

— Но я же не могу думать только о маршруте! Вдруг вспомню тренировку, проголодаюсь или... - принц запнулся, — или подумаю о девушке? Он что, будет реагировать на всё подряд?

Лерон покачал головой:

— Система фильтрует сигналы. Она отличает навигационные импульсы — те, что идут из премоторной коры, — от бытовых мыслей, которые активируют гиппокамп и лимбическую систему. Представь, что у тебя в голове два канала: один для управления, другой для всего остального. «Синапс» просто не пропускает сигналы по второму каналу в систему управления.

— То есть он не блокирует эмоции?

— Верно. Ты можешь скучать по дому, мечтать, волноваться. Всё это остаётся с тобой. Но корабль реагирует только на волевые намерения. А ещё «Синапс» запоминает твои индивидуальные паттерны мозговой активности. Чем дольше его носишь, тем точнее отклик.

— А если пилот устанет? Или, не знаю, чего-нибудь испугается?

— Тогда сработает аварийный режим. Система зафиксирует стресс по активности миндалевидного тела и частоте сердечных сокращений. «Кванториум» автоматически перейдёт в режим автопилота, стабилизирует курс и запустит протокол психологической поддержки: мягкие световые пульсации и низкочастотные звуки, напоминающие биение сердца. Так пилот успокаивается и восстанавливает концентрацию.

— Звучит... надёжно, - Дарен всё ещё сомневался. — А топливо? На чём он вообще работает?

— Ни на чём, - улыбнулся Лерон. — Он питается квантовой флуктуацией вакуума. Никаких топливных баков. Гравитационные катушки искривляют пространство для прыжков. А маскировка? О, она не просто делает его невидимым. «Кванториум» создаёт микроскопическую временную петлю вокруг себя и для радаров он существует на три мига в прошлом.

Дарен чуть склонил голову, и в этом едва заметном жесте сквозило сдержанное, почти ледяное восхищение — то самое, с каким ценитель разглядывает безупречный механизм, зная цену каждой детали.

— Впечатляет, — произнёс он ровным, лишённым эмоций тоном, будто взвешивая не красоту технологии, а её практическую пользу. — Эффективно.

Принц сделал шаг вперёд и порог корабля будто сам расступился перед ним, мягко обозначив переход внутрь.

Внутри «Кванториум» оказался ещё удивительнее. Кабина пилота не имела привычных рычагов и кнопок, только голографический кокон, пульсирующий в центре зала. Вокруг плавали сферы с данными, реагируя на малейшее движение глаз. Стены переливались, показывая то карту звёздного неба, то срез внутренних систем корабля.

Дарен медленно опустился в голографическое кресло, которое тут же приняло форму его тела.

— И ты хочешь, чтобы я доверился этой... штуке?

— Не доверяй. Чувствуй, - Лерон хлопнул его по плечу. — Он чувствует тебя. Вы — одно целое на время полёта.

Дарен медленно опустился в голографическое кресло «Кванториума». Оно приняло форму его тела с почти интимной точностью, словно само пространство подстраивалось под наследника престола. Перед ним пульсировал голографический кокон, переливаясь оттенками сапфирового и золотого: интерфейс управления, живой и дышащий.

«Ну что ж, - мысленно обратился он к кораблю, — покажи, на что способны технологии Технора».

Он сосредоточился, чётко сформулировав намерение: «Курс к Земле, прыжок в гиперпространство». Индикатор на «Синапсе» вспыхнул синим — 98%. Гравитационные катушки загудели на низкой частоте, нанопластины перестроились, формируя защитный кокон. Дарен ощутил лёгкое покалывание в затылке — связь с кораблём стала полной, почти родственной.

«Кванториум» беззвучно оторвался от платформы. Нанопластины вспыхнули ослепительным белым светом, и в следующий миг корабль исчез — не улетел, а растворился в искрящемся облаке квантовой пены, оставив после себя лишь мерцание воздуха и тихий звон, будто от лопнувшей струны самой реальности.

Пространство вокруг преобразилось. Дарен замер, заворожённый открывшимся зрелищем. Перед ним раскинулась гигантская спираль галактики — не просто скопление звёзд, а величественный танец света и тени. Миллиарды ярких точек образовывали причудливые узоры, туманности переливались всеми оттенками фиолетового и голубого, а тёмные облака космической пыли создавали таинственные тени, будто намекая на скрытые миры.

«Красиво, - подумал принц. — Здесь есть что-то первобытное, необузданное — будто сама вечность раскинулась перед глазами».

Корабль плавно менял ракурс, показывая разные участки пространства: яркое ядро галактики, где звёзды теснились так плотно, что сливались в сплошное сияние; спиральные рукава с россыпями голубых гигантов и красными карликами. Туманности — огромные облака газа, подсвеченные изнутри новорождёнными звёздами.

— Впечатляет, - вслух произнёс Дарен.

— Согласна, - раздался мягкий женский голос. — Я — ЭЛИА, Электронный Логический Интерфейс Адаптивного типа «Кванториума». Хотите, я расскажу подробнее о том, что вы видите?

— Да, - кивнул принц. — И ещё покажи мне информацию о землянах. Особенно про их обычаи ухаживания. Мне нужно понять логику их поведения.

Голографический экран ожил, демонстрируя сцены из жизни Земли: пары гуляют в парках, держатся за руки, обмениваются подарками. Дарен внимательно изучал изображения, отмечая детали.

— Любопытно, - произнёс он после паузы. — Физический контакт и демонстрация позитивных эмоций действительно играют ключевую роль в их романтических взаимодействиях. Но разве это не слишком... примитивно? У нас достаточно просто подарить кристалл луминита и всё понятно без слов.

— Согласно анализу культурных шаблонов и поведенческих констант, — невозмутимо отвечала ЭЛИА, — у землян эти действия несут глубокий символический смысл. Они укрепляют эмоциональную связь, создают ощущение близости.

— Цветы, - Дарен уставился на изображение букета роз. — Значит, они считают, что букет цветов может выразить то, что не передать словами? Интересный подход. Хотя... - он слегка усмехнулся, — несколько наивный. Но, видимо, для них эффективный.

— Можно также написать стихотворение, - предложила ЭЛИА.

Принц задумчиво провёл рукой по подлокотнику кресла.

— Поэзия, - пробормотал он. — Искусство, которое ценят во всех мирах. Возможно, в этом есть смысл. Но нужно изучить их поэтические традиции, понять, какие образы и метафоры будут уместны. Нельзя просто взять и скопировать наши эларианские стихи — это будет выглядеть нелепо.

Тем временем «Кванториум» продолжал свой путь. Дарен заметил впереди яркую жёлтую звезду, вокруг которой вращались несколько крупных небесных тел.

«Звезда с системой планет, - подумал принц. — Похоже на наш Астес, только поменьше и поспокойнее.»

ЭЛИА подтвердила его догадку:

— Мы приближаемся к планетарной системе жёлтого карлика класса G2. Центральная планета назначения: третья по счёту от звезды.

Дарен рассматривал открывшуюся картину: звезда — яркая, но не ослепляющая, с ровными контурами. Цель путешествия — голубая сфера с белыми завихрениями облаков и коричневатыми пятнами суши.

— Неплохо, - оценил Дарен. — Атмосфера пригодная. Интересно, какой у них уровень технологического развития?

— Судя по всему, они ещё не вышли за пределы родной системы, но уже достигли определённого прогресса в биотехнологиях и энергетике, - ответила ЭЛИА

— Активируй маскировку, - приказал принц.

«Кванториум» отреагировал мгновенно. Вокруг корабля возникло едва заметное мерцание, пространство слегка исказилось, создавая микроскопическую временную петлю.

— Маскировка активирована, - сообщила ЭЛИА. — Для всех внешних систем обнаружения мы существуем на три мига в прошлом. Визуальный контакт невозможен.

Корабль начал снижение. Дарен наблюдал, как поверхность планеты приближается: контуры материков, извилистые линии рек, скопления городских огней, зелёные массивы лесов.

— Выбирай место для посадки подальше от их поселений, - распорядился принц. — Гденибудь в горах или лесах. Чтобы никто не заметил.

«Кванториум» плавно снижался, обходя зоны высокой активности. Наконец, он завис над поляной, окружённой высокими пиками сосен.

— Идеальное место, - одобрил Дарен. — Теперь заглуши все системы, кроме жизнеобеспечения и маскировки. Мы будем ждать.

В кабине повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гулом работающих систем. Дарен откинулся в кресле, обдумывая предстоящую миссию. Он перебирал в уме детали: как лучше подойти к Юлии, какие традиции землян стоит учесть, какие из эларианских обычаев могут её заинтересовать.

Дарен смотрел на голографический экран, где застыло изображение улыбающейся Юлии. Её лицо было открытым, искренним: в нём читалась та самая эмоциональная открытость, о которой говорил отец.

— Ладно, землянка, - тихо произнёс он. — Посмотрим, чего стоят ваши странные обычаи. И насколько ты действительно важна для будущего Эларии.

Корабль замер в долине, невидимый и бесшумный, а принц Эларии готовился к первому контакту с миром, который так сильно отличался от его собственного — миру, который, возможно, изменит не только судьбу Эларии, но и его собственную.

Примерно так выглядит «кванториум»

[1] **Премоторная кора**— участок лобной доли головного мозга, расположенный прямо перед первичной моторной корой. Это «отдел планирования движений».

[2] **Гиппокамп**— часть мозга, расположенная в височных долях обоих полушарий. Это «центр памяти и ориентации» — структура, которая помогает запоминать новое, ориентироваться в пространстве и связывать воспоминания с эмоциями.

[3] **Лимбическая система**— комплекс структур головного мозга, расположенных вокруг ствола мозга, словно пояс (от лат. *limbus* — «кайма, край»). Это древняя часть мозга, отвечающая за эмоции, мотивацию, память и базовые инстинкты.

[4] **Миндалевидное тело**(или амигдала) — небольшая парная структура мозга в форме миндаля, расположенная в височных долях полушарий. Входит в состав лимбической системы — «эмоционального мозга». Центр страха и агрессии, помогает распознавать угрозы и запоминать опасные ситуации.

[5] **Квантовая флуктуация вакуума**— это спонтанное появление и исчезновение виртуальных частиц в, казалось бы, абсолютно пустом пространстве.

[6] **Миг**- секунда

9. Элария на Земле: маскировка подреальностью

Он понимал, что миссия продлится не один септар. В груди нарастало странное чувство: не просто долг наследника престола, а что-то большее. Словно сама судьба вела его к этой землянке с рыжими волосами, похожими на языки пламени в рассветных лучах, и голубыми глазами, глубокими и загадочными, как горные озёра Эларии.

Он прокрутил в голове детали легенды, которую ему тщательно сконструировали для земного общества. Он — тайный инвестор, влиятельный заказчик проекта «Звёздные врата», который его лично будет курировать в АО «ВПК НПО машиностроения». Его имя окутано тайной, его ресурсы безграничны, а интерес — предельно прагматичен: вывести разработку малых космических аппаратов нового поколения на уровень, достойный международной миссии.

«Я должен стать для неё не просто начальником, - думал Дарен, сжимая кулаки. — а тем, кто держит в руках её будущее, стать самым близким и родным, чтобы она хоть на край света отправилась со мной».

Он знал, что роскошная, по земным меркам, квартира в этом мегаполисе, уже арендована для него и на время миссии, станет его временной цитаделью. Отсюда он будет управлять проектом и начнёт охоту за сердцем девушки.

Принц коснулся голографической панели, и часть корабля послушно откликнулась на команду: корпус заструился, меняя форму. Дарен собирался создать лёгкий аэрокар — привычный для него транспорт с обтекаемым силуэтом, серебристофиолетовой бронёй и антигравитационными кольцами по бокам. Воплощение свободы и мощи его родного мира.

— Командир, - вмешалась ЭЛИА, — воздушное передвижение на подобном аппарате вызовет у землян шок. Мы не должны привлекать лишнего внимания. Наша задача: полностью соответствовать местным нормам и вести себя как земляне. Если мы хотим установить контакт без осложнений, необходимо соблюдать местные правила. Рекомендую наземный транспорт, он не вызовет вопросов.

Принц помедлил, затем усмехнулся:

— Хорошо, ЭЛИА. Действуй, как считаешь нужным.

Корпус заструился вновь, перестраиваясь на молекулярном уровне. Через мгновение перед Дареном стоял не просто автомобиль, а воплощение сдержанной и хищной мощи, словно материализовавшийся на земле фрагмент звёздного неба. Кузов глубокого тёмно-серого оттенка с благородным матовым отливом переливался на свету едва уловимым синим мерцанием, будто в металле были запечатаны частицы ночного космоса.

Длинный капот с плавными, но чёткими гранями перетекал в покатую крышу, создавая аэродинамику, отточенную до совершенства. Узкие светодиодные фары, словно прищуренные глаза, излучали холодный, пронзительный свет — в них не было ни капли мягкости, только интеллект и готовность к действию.

Внутри салона царил атмосфера технологичного минимализма. Кожаные сиденья глубокого антрацитового цвета с аккуратной прострочкой. Рулевое колесо, обтянутое мягкой кожей. Аналоговая приборная панель с небольшим цифровым дисплеем. Всё дышало дорогой функциональностью, но без лишнего пафоса — машина выглядела как оружие, а не как игрушка.

— Маскировка впечатляет, - негромко произнёс Дарен, проводя рукой по гладкой поверхности двери. Металл отозвался едва заметной вибрацией, словно живое существо, готовое сорваться в полёт по первому приказу.

В этот момент раздался голос Лерона:

— Командир, я останусь на борту и буду следить за ситуацией отсюда. Наши квантовые сенсоры обеспечат непрерывную связь и передачу данных в реальном времени. - Он сделал паузу, а затем протянул принцу небольшой гладкий предмет, переливающийся перламутром. — Возьмите это. Универсальный коммуникатор с функцией хронографа. Он синхронизирован с системами корабля и ЭЛИА, вы всегда будете на связи, даже в самых глухих уголках Земли. Он замаскирован под местное устройство «смартфон», никто из землян не отличит.

Дарен улыбнулся:

— Как всегда, предусмотрительность, Лерон. Соглашусь с тобой.

Лерон дал мысленную команду ЭЛИА, и ещё одна часть корабля приняла вид надёжных машин сопровождения.

Позади элегантного купе материализовались два массивных внедорожника: тёмные, монументальные, словно скалы на фоне ночного неба. Их строгие прямоугольные формы и широкие колёсные арки говорили о несокрушимой силе. Решётки радиаторов с вертикальными ламелями придавали им вид суровых стражей. Всё в них выглядит так, будто машины созданы для городских улиц и редких выездов за город.

Но под этой земной оболочкой у всех машин скрывались космические технологии: антигравитационные двигатели, позволяющие развивать сверхвысокие скорости без шума, система маскировки — при необходимости корпуса могли менять отражательные свойства, сливаясь с окружением, встроенные сканеры пространства и системы связи, интегрированные в бортовые компьютеры, защитные поля, активируемые в доли секунды при угрозе.

Восемь элариан заняли места в машинах сопровождения. Их привычные боевые комбинезоны мгновенно преобразились в строгие чёрные костюмы — пока к ним не прикоснуться, их не отличить от обычной земной одежды.

— Конвой сформирован, - доложила ЭЛИА. — Мы готовы к старту.

Дарен кивнул, положил руки на руль и глубоко вдохнул. Салон наполнял тонкий аромат сандала — ЭЛИА предусмотрительно настроила климатконтроль.

«Начнём с роли начальника, - решил он, усаживаясь в кресло. — А потом... потом я покажу ей звёзды».

— ЭЛИА, измени маршрут. Я сначала хочу посмотреть на девушку и получить всю информацию о ней.

— Поняла вас, Командир. Маршрут изменён, - прозвучал голос ИИ. — До коттеджного посёлка «Серебряный бор» 2 часа 30 минут по земному времяисчислению, то есть два с половиной рита, при текущем трафике. Объект, в котором находится девушка классифицируется как избыточно просторный модуль для трех субъектов. Рядом есть пресный водоем – озеро, что повышает индекс пригодности локации, но остаётся функционально не востребованным. Земные системы оценки относят такую конфигурацию к категории «роскошь».

Перед взором Дарена на голографическом экране предстала картина: широкие улицы, утопающие в зелени, интересные большие дома за высокими заборами, тихие аллеи и вид на живописное озеро. «Место, где живут самые состоятельные жители Москвы, где время течёт размеренно, а каждый дом выглядит словно дворец», - процитировала ЭЛИА.

Юля жила с родителями в настоящем архитектурном шедевре: трёхэтажный особняк в стиле хай-тек с панорамными окнами, террасами и собственным причалом у озера. Для тренировок девушка выбрала парк неподалёку. Там были идеальные условия. Именно там она оттачивала свои навыки паркура, прыгая с одной конструкции на другую с грацией дикой кошки.

— Покажи мне всё, что есть на неё, — приказал Дарен, заводя двигатель.

На лобовом стекле появилось досье: фото Юлии, её параметры, привычки, ключевые принципы. ЭЛИА начала доклад ровным, спокойным голосом:

— Юлия Максимовна Вольская, 24 года. Рост - 168 см, спортивное телосложение. Профессионально занимается паркуром, мастер спорта России по скалолазанию, имеет 1-ый дан

по киокушинкай карате из возможных 10-ти. «Так она еще и драчунья», - подумал принц, - «ну ничего, перевоспитаем». Характер: независимый, аналитический склад ума, склонна к импульсивным решениям в стрессовых ситуациях. Отмечены проявления эмпатии: участвует в волонтерских проектах. «Сострадание к другим – это хорошее качество», - мысленно проговорил Дарен. Он вдруг поймал себя на мысли, что впервые за долгое время его интересует не только выполнение миссии, но и сама девушка — её характер, мечты, страхи.

— Родители: Максим Игоревич Вольский, владелец сети автодромов. Виктория Андреевна Вольская, владелица сети фитнесклубов премиум-класса. Социальный земной статус — высокий. Сама девушка работает инженером-конструктором в АО «ВПК НПО машиностроения», сейчас включена в проект разработки малых космических аппаратов нового поколения «Звёздные врата», участвует в подготовке международной миссии по исследованию ближнего космоса.

Принц резко выдохнул, отгоняя наваждение.

— Достаточно, - сказал он. — Дальше я знаю.

Двигатель отозвался низким, бархатистым рыком, вибрация прошла через руль прямо в ладони. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида — два внедорожника держались на дистанции 50 метров, чётко повторяя положение основного автомобиля.

— Держи тот же маршрут, - тихо произнёс Дарен, уже сливаясь с ритмом движения, и машина послушно набрала скорость: 2,4 секунды до сотни, и город за окнами уже размывался в полосы света. Дарен чувствовал, как кресло плотно обхватило спину, как машина слушается малейшего движения руля. Антигравитационный двигатель позволял разогнаться до 800 км/ч в атмосферном режиме, а при активации силового поля до 3000 км/ч, но ЭЛИА заблокировала эту функцию полностью.

— Напоминаю о скоростном режиме, Командир, - предупредила ЭЛИА. — Превышение скорости привлечёт внимание стажей правопорядка землян. Старайтесь двигаться в потоке и соблюдать правила дорожного движения.

Скорость снизилась до допустимой у землян.

Впереди незнакомый город, чужая культура и встреча, которая перевернёт всё. Он сжал руль чуть сильнее, глядя вперёд, туда, где за поворотом скрывалась неизвестность, от которой холодело внутри.

Всю дорогу Дарен размышлял о том, как подступиться к Юлии. Он перебирал в уме возможные сценарии знакомства, продумывал первые фразы, пытался предугадать её реакцию. В воображении она представала то серьёзной и сосредоточенной, то смеющейся, с озорным блеском в глазах.

Три с половиной рита Дарен провёл в пути, проклиная земные дороги. Просёлочная трасса, затем бесконечная вереница машин на МКАД Наконец, ворота «Серебряного Бора» появились впереди. Машина плавно затормозила у парка.

Он замер, увидев Юлию. Вживую она производила совсем иное впечатление: куда более сильное, чем на изображении. Солнечные лучи играли в её рыжих волосах, заставляя их сверкать. Он задержал взгляд: такой оттенок пигмента не встречался ни на одной из ему до этого известных планет. Для него это было очень необычно. Каждое её движение было наполнено грацией и силой. Она смеялась, запрокидывая голову, и солнечный свет вспыхивал в её волосах тысячами искр. Дарен замер, забыв дышать.

Рядом с Юлией стояли двое молодых людей. Первый — высокий, подтянутый парень с внимательным, цепким взглядом. Его поза говорила о готовности к действию: чуть согнутые колени, руки расслаблены, но мышцы напряжены: словно он в любой момент готов был сорваться с места. В нём чувствовалась внутренняя собранность, будто он, одержимый механикой и физикой движения.

Второй был совсем иным. Невысокий, худощавый, с задумчивым взглядом, он словно растворялся в фоне, пока не привлечёт к себе внимание. Его глаза внимательные, изучающие, скользкие по окружающим, подмечая детали. В руках он держал фотоаппарат, но сейчас тот бездействовал. Парень просто наблюдал, впитывал момент.

Юлия что-то сказала, махнула рукой в сторону парковки, и все трое направились к серебристому кроссоверу. Дарен невольно подался вперёд, не отрывая взгляда. Она шла легко, чуть пружинящим шагом.

Когда девушка села на заднее сиденье, Дарен отметил, как ловко и естественно она это сделала: без суеты, но и без нарочитой плавности. Просто ещё одно движение в цепочке её жизни, полной динамики и свободы. Машина тронулась с места, и принц дал команду ЭЛИА: — Следуй за ними. Держись на расстоянии, но не теряй из виду.

Он плавно влился в поток машин. Дарен наблюдал, как город меняется за окном: от роскошных особняков Рублёвки к более урбанистическим пейзажам: высотки, широкие проспекты, затем узкие улочки с историческими зданиями, хранящими память веков. Он отметил про себя контрасты: деревянные фасады соседствовали со стеклянными коробками, а между ними — островки зелени, будто забытые кусочки природы в каменном лабиринте.

Машина Юлии свернула в Огородный проезд. Вскоре они остановились у здания. Это был неброский трёхэтажный дом в индустриальном стиле: грубоватая кирпичная кладка, большие окна с металлическими рамами, массивная дверь с кодовым замком. Над входом висела вывеска с лаконичной надписью «Скалодром» и изображением стилизованной горы с восходящей фигурой. Рядом — несколько припаркованных велосипедов и пара рюкзаков, небрежно брошенных у стены.

Юля вышла из машины, махнула на прощание спутникам, и автомобиль тронулся с места. Дарен проводил его взглядом и уже думал выйти к ней, но его внимание привлёк ещё один человек, появившийся внезапно возле Юли. Это был крепкий парень среднего роста с широкой улыбкой и ироничным блеском в глазах. Его спортивная фигура выдавала в нём любителя экстремальных нагрузок, а лёгкая небрежность в одежде: джинсы, толстовка с капюшоном, контрастировала с внутренней собранностью. Он подошёл к Юлии, раскинул руки для объятия, и та радостно бросилась к нему. Они обменялись парой фраз, смеясь, и направились ко входу в здание.

Дарен сжал руль так, что костяшки побелели. В груди закипала досада: слишком много вокруг неё мужчин. «Непристойно для будущей королевы, - подумал он с внезапной злостью. — В жизни женщины должен быть только один мужчина».

— ЭЛИА, - глухо произнёс он, — маршрут на квартиру. Хочу отдохнуть уже. Здесь мы закончили.

«Завтра в офисе я покажу ей, как должна вести себя женщина, избранная для высшей миссии», - злился Дарен.

Машина плавно развернулась и двинулась прочь. Он ещё раз бросил взгляд на вход скалодрома, где Юлия и парень скрылись за дверью, и глубоко вдохнул. Предстояло многое обдумать и ещё больше сделать.

Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза на мгновение, а когда открыл — в его взгляде уже горела не слепая решимость, а твёрдая готовность услышать её ответ, каким бы он ни был.

Примерно так выглядят машины созданные ЭЛИА из элементов кванториума на которых принц Дарен отправился за Юлей
[1] Септар - неделя

10. Крах стратегии Дарена

В офисе сегодня витал особый воздух. Он был густым, словно наэлектризованным. Слухи о визите таинственного инвестора распространялись быстрее лесного пожара, и женская половина коллектива словно сошла с ума.

В курилке, в столовой и у кулера не умолкал взволнованный шёпот. Сотрудницы передавали друг другу крупницы информации, превращая их в легенду о молодом, но пугающе уверенном в себе мужчине.

Говорили, что он высок, словно колонна строгого неоклассического здания. Его фигура не была рыхлой массой, напротив, она напоминала отточенную сталь атлета, скрытую под лаконичным костюмом. Лицо выглядит чистым, без единой морщинки, но с той редкой, почти пугающей зрелостью черт, которая выдаёт человека, привыкшего принимать решения. В его облике читается холодная, выверенная геометрия аристократа.

Леночка, главная сплетница, была первоисточником. Она всё знала ещё вчера: начальник выслал фото и велел встретить важного гостя со всеми почестями. Она показывала его всем и говорила:

— Посмотрите, какие у него глаза! Вот что вызывало у меня настоящий трепет!

Действительно, глаза у мужчины были серо-стальными, прозрачными, как лёд на рассвете. В них не было ни юношеской наивности, ни старческой усталости — только ледяная ясность ума.

— А эти тёмнорусые волосы, - продолжала Леночка, — вроде в беспорядке, но лежат просто идеально, словно он родился весь такой безупречный. А главное, девочки, его сердце сейчас абсолютно свободно, я это точно проверила. Эх, была бы я не замужем, я бы своего не упустила, - вещала она девчонкам направо и налево.

По невидимому сигналу началось преобразование большинства женского коллектива. Уйти просто так на пару часов было смерти подобно: строгий график, отчёты, начальство не простит, оштрафует. Но каждая находила повод. Кто-то ссылался на «внезапную встречу с поставщиком комплектующих», кто-то — на «срочные семейные обстоятельства», а кто-то уверял, что «нужно обсудить презентацию для международной миссии с фрилансером».

Но всех переплюнула Зюечка-бухгалтерша. Она не просто сбежала в салон под благовидным предлогом, она ещё и купила новый наряд, который совсем не отличался скромностью и подчёркивал все женские прелести. Одежда облегла фигуру Зою, словно вторая кожа, подчёркивала линию плеч и талии, а глубокий вырез намекал на то, что лучше оставить за кадром.

Когда Зюечка вернулась, офис взорвался шёпотом у кулера:

— Ты видела? Это же вызов! — Даа... Она его точно хочет впечатлить... — А если шеф заметит? — Зато как выглядит! Будто на красную дорожку собралась, а не к нам в бухгалтерию...

Женщины хихикали между собой, но каждая украдкой поглядывала то на Зою, то в зеркало, то на часы. Они прикидывали, не осталось ли ещё какого-нибудь повода сбегать в салон. Воздух был наэлектризован ожиданием: сегодня он придет — влиятельный инвестор проекта «Звёздные врата». И каждая хотела, чтобы он заметил именно её.

Говорили, что его имя — тайна за семью печатями. Что он — тайный инвестор, стоящий за самыми громкими сделками в оборонной и космической сферах. Его ресурсы не просто велики, они безграничны. Он вкладывается не ради славы, а ради результата. У него есть верфи, строящие подводные беспилотники, лаборатории, где синтезируют сплавы для гиперзвука, и целые парки спутников, о которых не пишут в газетах. Он не нуждается в признании — он создаёт будущее.

Он вошёл в актальный зал, как будто сдвинул с места само время. Дверь распахнулась, и в потоке света возник он — Ричард Винсент Безос. Он появился не громогласно, не с пафосом, но с такой внутренней силой, что даже воздух стал плотнее.

Дарен мысленно поморщился: имя резало слух. Оно было частью легенды, которую он сам согласовал. Он играл роль, и играл безупречно.

Его шаг был пружинистым, а взгляд — сканирующим. Казалось, он видел не просто людей, а их потенциал. Одет он был в тёмные тона — не траурно, а благородно. Графитово-серые штаны, чёрная рубашка: всё сидело безупречно, подчёркивая ширину плеч и стройность силуэта. Осанка прямая, будто в позвоночнике закреплена невидимая пружина. Он не горбился, не тянулся вверх — он просто был, и пространство вокруг него сжималось.

Женщины разглядывали его профиль и замирали. Он был как лёд: твёрдый, прозрачный, обжигающе холодный. Но от него исходил жар недоступности. Этот лёд не растает ни от улыбки, ни от флирта, а потому притягивал с удвоенной силой.

Он холодно, без долгих предисловий, представился и назвал имена тех, кто попадёт в его группу по проекту. Именно Зочка принесла ему отобранные заранее им досье, забрав их у секретарши Леночки. Но что поразило всех, он ни разу не задержал на ней взгляда дольше необходимого.

В группе по разработке малых космических аппаратов собрались лучшие умы. Седой главный конструктор Игорь с вечным карандашом за ухом, способный собрать спутник из подручных средств. Молодой программист-вундеркинд Антон, вечно жующий яблоко и пишущий код быстрее, чем другие думают. Мария - специалист по материалам, фанатка нанотехнологий, способная превратить пыль в сверхпрочный композит. Юлия — ведущий инженер по системам управления. Она не была первой скрипкой, но и не пряталась в тени. Её алгоритмы стабилизировали полёт, а расчёты были точны до микрона. Она была тем винтиком, без которого механизм начинал барахлить. И ещё несколько специалистов, чьи имена уже гремели в узких кругах. Каждый из них понимал: работа с этим человеком — шанс, который выпадает раз в жизни.

Зочка стояла чуть в стороне, сжимая в руках папку с документами. В груди билась странная смесь разочарования и восхищения. Он не заметил её, но она всё равно чувствовала, как внутри разгорается огонь: желание доказать, что и она достойна быть частью чего-то великого.

Когда он обвёл взглядом команду, его пронзительные глаза задержались на Юле дольше, чем следовало. Она была его целью. И про себя он отметил её интеллект, спрятанный за строгой линией очков.

После общего собрания он собрал группу в отдельном кабинете. Звучали цифры, графики, предложения по компоновке антенн. Все говорили, а он слушал. Но взгляд его, острый, как лазерный дальномер, возвращался к Юле.

— А что скажете Вы, Юлия? - вдруг спросил он, перебивая Антона.

Она вздрогнула, подняла глаза. В его взгляде не было высокомерия, только интерес хищника, который заметил редкую птицу. Она начала говорить, и голос её, обычно сухой и технический, вдруг зазвучал мягче, когда она объясняла принцип работы новой системы ориентации.

В итоге после собрания он задержал только её, когда остальные уже молча собирали бумаги.

— Оставайтесь, - властно сказал он.

Антон задержался у двери, но Дарен жестом показал ему идти. Когда последний человек вышел и закрыл дверь он повернулся к ней:

— Есть нюансы по компоновке. Чертим заново.

Они склонились над чертежами. Он указывал на схему, и Юлия наклонялась ближе. Их руки соприкасались случайно, но слишком часто. Он поправлял ей выбившуюся прядь, будто

это было естественно. Когда она наклонилась за линейкой, он на мгновение приобнял её за талию, чтобы она не ударилась о край стола, и тут же отпустил.

— Вы мыслите на два шага вперёд, - тихо сказал он. — Это редкое качество.

Юля подняла глаза и ей показалось, что он видит её насквозь.

Вечер затянулся. Свет мониторов отбрасывал синие блики на чертежи, а за окном стужались сумерки.

— Здесь нужно переделать, - произнёс он. — Предлагаю завтра обсудить с вами за чашечкой кофе траектории полёта и физику нагрузок на корпус при выходе на орбиту. Эти нюансы лучше разобрать отдельно. Вы поймёте, что исправить, - он подмигнул.

Их взгляды встретились. Она сделала вид, что не поняла намёка.

Юля на мгновение замолчала. В голове вспыхнула идея — дерзкая, но идеальная. «Паркур. Там я покажу ему всё наглядно».

— У меня есть идея получше, - спокойно ответила она. — Завтра утром встречаемся в Серебряном Бору, в парке. Там я наглядно покажу, почему наша схема компоновки эффективнее.

— В парке?

— Именно. Там вы и увидите, как динамика движения и распределение нагрузки работают в реальном времени. Это поможет понять логику моих расчётов.

Дарен едва заметно улыбнулся. Он рассчитывал на завтрак, а возможно, и на ужин в «Гранд Отеле», но такое начало тоже неплохо.

— Договорились. В девять?

— В восемь. Пока пробки не собрались, - отрезала Юля и направилась к двери.

На следующее утро Серебряный Бор встретил их тишиной и лёгкой дымкой тумана. Юля привела его к площадке для паркура: бетонные блоки, лестницы, перила.

— Смотрите, - она легко запрыгнула на первый блок, оттолкнулась и перелетела на следующий. — Каждый прыжок — это расчёт. Угол, сила толчка, точка приземления. Если ошибиться хоть на градус — упадёшь. Так же и с нашим аппаратом: если неверно распределить массу, при выходе на орбиту его сорвёт с траектории.

Она двигалась легко, демонстрируя, как каждый элемент связан с предыдущим.

Дарен кивнул, но в глазах не было восхищения, только холодный расчёт.

— Логично, - произнёс он. — Но вы забываете: в космосе нет перил для опоры.

— А теперь Вы, - бросила она, остановившись на верхней площадке.

Он усмехнулся. Пора было немного блеснуть. Шаг, прыжок, разворот — он двигался с неестественной лёгкостью, как может только эларианин. Перелёт через три ступени, сальто с опорой на перила, приземление на одной ноге без шороха. Юля замерла, широко раскрыв глаза.

— Это... как? - выдохнула она.

— Опыт, - небрежно бросил Дарен, хотя внутри ликовал. Её удивление было слаще любого комплимента.

— Вы правы. Ваша логика безупречна, а я ошибалась. Если бы не увидела своими глазами, никогда не поверила бы, что так возможно... Я внесу правки в чертёж и завтра принесу новый вариант.

— А вечером приглашаю вас на ужин. В «Гранд Отеле». За наш успех.

— Спасибо, но нет, - она покачала головой. — Мы здесь по делу. И я не смешиваю работу с...

Дарен едва заметно сжал губы, но тут же расслабил лицо.

— Понимаю. Тогда до завтра.

На следующий день в кабинете разработки шла доработка схемы компоновки. Юля разложила чертежи на большом столе, вокруг собрались коллеги: Игорь, Антон, Мария и другие. Дарен стоял чуть поодаль, наблюдая.

— Смотрите, - Юля указала на схему, — если сместить блок управления на 15 градусов, мы снизим нагрузку на корпус при выходе на орбиту на 12%.

— Это невозможно, - резко возразил Антон. — Тогда антенна попадёт в зону турбулентности. Расчёты не сойдутся.

Коллеги зашумели, кто-то закивал, кто-то начал спорить. Мария склонилась над чертежом:

— Антон прав. У нас уже были такие варианты, и они провалились на моделировании. Юля не отступила.

— У меня есть новая модель расчёта аэродинамики. Она учитывает микроколебания при старте. Посмотрите вот сюда...

Она быстро начертила на свободном участке стола схему, провела несколько линий, подписала формулы.

В комнате стало тихо. Все склонились над её расчётами.

Дарен шагнул ближе. Его взгляд стал острым, сканирующим. Он изучал не только линии на бумаге, но и реакцию Юли: как она уверенно держит маркер, как чётко формулирует мысли, как не отступает под напором коллег.

— Покажите полный расчёт, - тихо произнёс он.

Юля молча протянула ему блокнот. Дарен быстро пробежал глазами по строчкам формул, задержался на интегралах, кивнул.

— Она права, - объявил он. — Этот вариант стоит проверить. Подготовьте симуляцию на завтра.

Антон нахмурился, но промолчал. Мария удивлённо подняла брови. Коллеги переглянулись. Юля почувствовала, как внутри разливается тепло, но не от его слов, а от того, что её услышали. Но взгляд Дарена, всё ещё изучающий её, заставил её внутренне собраться.

— Благодарю, - коротко сказала она. — Я подготовлю полную документацию к утру. Дарен кивнул и отошёл к окну. В голове уже складывался новый план. "Она не просто умна. Она — ключ. И если не получится по-хорошему, придётся действовать иначе.

Каждое утро на столе Юли появлялись то стакан кофе, то коробка дорогого и редкого шоколада в обед, новые букеты цветов. Юля раздавала подарки коллегам, сохраняя невозмутимость. Но однажды утром она обнаружила золотой кулон в форме спутника, который они разрабатывали. Слишком личный, слишком значимый жест. Она сжала его в ладони и направилась к его кабинету, но его не было. Она убрала подарок в шкаф и продолжила работу, будто ничего и не было.

На другой день, она обнаружила конверт с билетом на премьеру космического симулятора и запиской: «Вы заслужили отдых. Это не свидание — просто благодарность за работу». Юля порвала билет пополам, а записку спрятала в карман блузки.

Вечерами, лёжа в темноте своей квартиры, она ловила себя на том, что думает о нём. Вспоминала, как он двигался на площадке для паркура: легко, почти нечеловечески плавно. Как смотрел на неё тогда, в кабинете, когда говорил о её умении мыслить на два шага вперёд. Его голос, низкий и ровный, звучал в памяти, а перед глазами вставал образ: он стоит у перил, освещённый утренним солнцем, и улыбается — не всем, а будто только ей одной. Она одергивала себя, больше она не подается: " Это обман". Поэтому она оставалась непреклонна.

— Юлия, - он остановился у её стола с двумя билетами на закрытый показ фильма о первых шагах человечества в космосе. — Это уникальная возможность. Пойдёмте вместе.

— Спасибо, но нет, - не поднимая глаз, ответила она.

— Почему? - Он не сдвинулся с места.

Голос остался ровным, но в нём прорезалась сталь:

— Вы уверены? Этот показ не для всех. Я мог бы устроить приглашение и для вашего коллеги, если вы передумаете.

Она наконец посмотрела на него.

— Я сказала «нет» ещё в парке. И это не изменится.

Он сжал челюсти, пальцы на билете слегка побелели. На мгновение его маска дала трещину и в глазах вспыхнула настоящая, живая злость. Она не понимает. Или делает вид. Её упрямство — это просто ещё один параметр, который нужно учесть в уравнении. И решить.

Но уже в следующий миг он снова был невозмутим.

— Понимаю, - произнёс он, медленно складывая билет пополам.

Однако на следующий день на её столе снова был подарок: лежал пропуск на экскурсию в центр управления полётами — туда, куда обычных инженеров не пускали.

Она ловила себя на мысли: почему его упорство так её задевает? Почему она помнит оттенок его глаз в тот момент, когда он услышал очередной отказ?

Так прошла неделя. Он пробовал всё: приглашения на закрытые мероприятия, редкие книги по авиации, намёки на повышение и даже помощь с расчётами, но все безрезультатно.

После очередного отказа, он вышел из здания, резко захлопнув дверь машины. Впервые за долгое время Дарен позволил себе выругаться вслух: «Как она посмела?» Он - принц, привыкший получать всё, чего захочет, столкнулся с чем-то новым: с женщиной, которая не покупалась ни на земные деньги, ни на внимание, ни на редкие жесты искренности, прорывавшиеся сквозь броню его образа.

«Я же сказала „нет“», - билось в висках, — «Дело не в вас, а во мне. Есть много прекрасных вариантов, например, Зочка — ей Ваше предложение будет по -вкусу».

Он вспоминал, как она развернулась и пошла прочь. «Да кто она такая? Тоже мне, выискалась», — злился и недоумевал он.

У него созрел новый план. Выбора она ему не оставила. Его пальцы медленно сомкнулись на ручке стола — так, будто уже держали её запястье. Завтра всё изменится. Она поймёт, кто здесь устанавливает правила.

11. Иллюзия её комнат

В тот же вечер Дарен отдал приказ без лишних слов. Короткий кивок Лерону и холодная фраза: «Следить за ней. Каждую минуту. Отчёт каждые три рита ». В воздухе повисло напряжение, даже приглушённый гул систем корабля будто стал тише.

Эларианин активировал квантовые сенсоры. На экране коммуникатора, замаскированного под земной смартфон, замелькала карта с пульсирующей точкой: Юля покидала здание офиса. Точка двигалась медленно, будто нехотя — Дарен невольно усмехнулся: «Как всегда тянет до последнего. Будто без неё всё развалится».

— Она задержалась, чтобы перепроверить расчёты стабилизации траектории, — доложил один из агентов, отслеживая данные с камер наблюдения. — Снова запускала симуляцию микрокоррекции на участке входа в гипертоннель.

— Думает, что её расчёты и алгоритмы важнее всего, — продолжил Дарен, и голос его стал тише, но от этого звучал ещё опаснее. — Считает, что может отвергать меня, пока её гипертоннели и стабилизаторы работают как надо.

Он резко провёл пальцем по экрану, словно стирая изображение Юлии. В груди закипала злость — та самая, что не давала ему покоя с их последней встречи. Как будто он предложил ей выбрать цвет вот этих занавесок, а не место рядом с собой — место, которого добивались многие.

Он продолжал следить за пульсирующей точкой на экране — она замерла у какого-то здания, потом двинулась дальше.

Юлия направилась совершенно в другую сторону, чем от нее ожидали следившие:

— Куда она направилась?! По моим данным дом в другой стороне, - вслух, не задумываясь произнес Лерон

— Направление: северо-запад, район с высокой плотностью культурных объектов.

— Выясните куда и к кому она направилась, - зло процедил Дарен

Служка привела эларианцев в танцевальную студию «Velvet Step» на Патриарших прудах — там, где старинные фонари отбрасывали мягкий свет на мощёные улочки, а в воздухе витал аромат цветущих лип. Они заняли позиции: два массивных внедорожника, тёмных и монументальных, замерли в соседних переулках.

— Запускаю дрон, - произнёс один из них, касаясь панели, - Активирую квантовый сенсор, через 2 минуты снова доложил. Изображение с высокой чёткостью появилось на экране коммуникатора Дарена: группа девушек отрабатывала связку в стиле High Heels.

— Они двигаются как единый организм, - заметил агент, — но без центра управления.

— А эта?

— Объект отклоняется от группового шаблона. Смотрите: каждый шаг словно точка опоры, каждый поворот — коррекция по вектору. Это расчёт устойчивости. - протянул третий, зачарованно глядя на экран. — В ней есть что-то особенное.

На экране Юлия двигалась иначе: спина прямая, подбородок приподнят, каждый шаг уверенный и лёгкий. Плавные линии рук, точный контроль корпуса, взгляд, в котором читалась внутренняя сила.

«Как она сочетает это? - думал Дарен. — В офисе — холодный расчёт, на тренировках — стальная воля, а здесь здесь она совсем иная, мягкая что ли».

После тренировки Юля села в свой Audi Q8 и снова направилась в другую сторону от дома.

— Куда теперь? - встрепенулся первый агент.

— Меняет локацию, - отозвался напарник, вода пальцами по сенсорной панели. — Координаты новой точки район Арбат.

— Командир, это многоквартирный дом, - доложил агент.

— Проследить и узнать, к кому так поздно приехала, - приказал Дарен, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

Один из агентов пробрался следом за Юлией в подъезд, дрон передал изображение квартиры на третьем этаже: внутри виднелись светлые стены, минималистичный дизайн, много естественного света.

— В помещении объект одна. Следов присутствия третьих лиц в текущий момент нет, — пробормотал агент.

— Узнать, кому принадлежит и кто бывает тут, - распорядился Дарен.

Спустя полчаса коммуникатор пиликнул новым сообщением: «Дом принадлежит девушке, тут бывают родители и ещё какая-то девушка, личность выясняем».

— Не нужно. Не важно, кто она. Продолжайте наблюдение, - отрезал Дарен.

«Значит, у неё есть своё жильё, - отметил про себя Дарен. — Скрытность? Независимость? Или просто привычка держать всё под контролем?»

«Девушка собралась и вышла, направилась наконец по известному им направлению: к трёхэтажному особняку в стиле хай-тек с панорамными окнами — дому родителей».

Доложили Дарену. Он дал приказ продолжать наблюдение.

— Следите за каждым шагом, - бросил он агентам. — Никаких промахов.

Утром наблюдение продолжилось. В 6:15 она уже бежала в Серебряном Бору. Лерон задействовал сеть стационарных точек: камеры в уличных фонарях, датчики в стыках тротуарной плитки.

— Вектор стабилен, - доложил агент. — В «слепой зоне» у набережной — чистый кадр. На открытом участке — перекрытие через фонарь.

— Держать контур, - коротко ответил Лерон.

На экране Дарен видел, как она проходит сквозь эти невидимые узлы наблюдения и даже не догадывается, что каждый её шаг попадает в заранее просчитанную точку съёмки.

К восьми утра на коммуникатор Дарена пришёл отчёт: «Девушка добралась до скалодрома на Огородном проспекте».

Там её уже ждал Владимир. Он что-то сказал ей, она коротко улыбнулась в ответ.

«Очередной контакт с женщиной», - мелькнуло раздражение в мыслях Дарена.

Теперь Дарен знал его имя. У него было полное досье: Владимир встречался с другой женщиной чаще, чем с Юлией. Дарен мысленно отметил эту, как ему казалось, безнравственность землян: их непостоянство, их привычку разбрасываться привязанностями.

После тренировки — кофе на вынос и метро. В вагоне Юлия уткнулась в блокнот: рисовала что-то: очень похоже на схему нового маршрута для паркура. Рядом появился маленький набросок спутника. Изображение с высокой чёткостью тут же передалось на экран коммуникатора Дарена.

Их с Владимиром пути разошлись. Он хлопнул её по плечу и что-то шепнул. Она впервые за день рассмеялась, и её глаза из ледяных стали аквамариновыми.

— Командир, нужно следить за парнем?

— Нет. Следите за девушкой.

Коммуникатор пиликнул. Новый отчёт: обед с Софией в кафе возле кампуса. София размахивала руками, увлечённо рассказывая о благотворительном проекте. Юлия слушала, изредка кивая и помешивая кофе. Когда подруга предложила ей возглавить мастер класс по самообороне, Юлия сначала покачала головой, потом согласилась. На лице мелькнула редкая улыбка.

Ближе к вечеру она оказалась в парке. Дарен видел знакомые очертания: изогнутая линия набережной, чугунная ограда, отражающаяся в тёмной воде, и несколько старых лип, чьи кроны образовывали над дорожками зелёный свод. Это место было узнаваемо даже с высоты дрона, вчера Юля была именно здесь, сводя с ума их сенсоры своей непредсказуемой динамикой. Но сегодня её ждал мужчина. Опять мужчина, тот самый, которого Дарен уже видел с ней. Парень молча протянул ей фотоаппарат. Юлия взглянула в видоискатель, прищурилась, оценивая композицию. Щёлк. Ещё кадр. Они почти не разговаривали, но в этом молчании читалось понимание: один кивок, лёгкая улыбка, ответный взгляд Юли, в котором сейчас не было ни настороженности, ни холода.

Вечером Дарен уже смотрел другое видео и снова с ней мужчина, которого Дарен ещё не видел.

Его уже успели пробить по базе. Это был Плетнев Максим Александрович - Конструктор протезов и экзоскелетов и с Юлей они встречаются регулярно. Дарен сжал кулаки и стиснул зубы.

Макс подбадривал её короткими шутками, вроде: «Если упадёшь — я скажу, что так и было задумано». Юлия лишь фыркала в ответ, но в её глазах загорался азарт.

— Ну вот, смотри, как она с ними, - тихо сказал первый агент второму, чуть наклоняясь к экрану, будто хотел вытянуть из кадра лишние оттенки эмоций. — Всегда в центре, но держит дистанцию, ровно на длину вытянутой руки.

Второй хмыкнул, поправил сенсорную панель, и та отозвалась приглушённым мерцанием:

— Слышишь, как она на его шутку отреагировала? Не отмахнулась, не ушла в броню. Просто фыркнула — и сразу обратно в задачу. Это фокус.

— Или как точка равновесия в неустойчивой системе, — добавил третий, скользнув взглядом по графикам на периферии экрана.

— Все тихо. Он снова на нашей частоте

Дарен снова взгляделся в экран. Он не услышал диалог своих агентов. Он погружен в свои мысли:

«Окружена мужским вниманием, никогда не сидит на месте», — рассуждал в мыслях Дарен. Он увеличил изображение, вглядываясь в её лицо. Сейчас оно было расслабленным, почти счастливым и совсем не таким, как при их встречах. Там — лёд, здесь — огонь.

«Почему с ними улыбается, а мне хоть бы раз» — злость закипала внутри. Ведь чувствовал, он прочитал её и теперь знал, что был ей интересен. Ловил у неё мысли о себе, но все равно с ними у неё улыбка, а ему отказ.

По дороге домой она остановилась у киоска, купила мороженое и ела его на ходу, глядя на закат. В этот момент её лицо было непривычно беззащитным, будто весь день она держала оборону, а теперь позволила себе короткую передышку.

И тут маршрут дал сбой. Юлия неожиданно свернула в глухой переулок без камер — и на три минуты пропала с радаров.

— Сейчас, через 3 такта найду, - сразу же спохватился Лерон. Он знал, что Дарен следит за девушкой неотрывно.

Данные с квантовых сенсоров постоянно стекались в коммуникатор Дарена: маршрут, контакты, эмоции, мельчайшие детали. Он просматривал кадры: вот Юлия смеётся с Владимиром, вот серьёзно слушает Софию, вот сосредоточенно смотрит в видоискатель с Артемом, вот спорит с Максимом.

Он перемотал запись. За неделю они выучили её маршруты до миллиметра: три точки опоры, пять зон риска, один неизменный ритм. И всё равно она ускользала — не из-за ошибок в слежке, а из-за того, что внутри неё не было предсказуемой схемы.

«Она никогда не бывает одна, - подумал Дарен, сжимая перламутровый коммуникатор. — Но это лишь вопрос времени».

Так за ней следили почти неделю. Пока однажды не осталась ночевать в своей квартире, а не у родителей.

Тени скользили по стенам, будто сами собой отделяясь от углов и сливаясь с полумраком. Дарен замер у приоткрытой двери, прислушиваясь не к звукам, их здесь почти не было, а к ритму тишины. Квартира Юлии дышала ровно: лёгкий скрип паркета, едва уловимый гул холодильника, далёкий, почти призрачный шум ночного города за окном. Всё это фиксировали микросенсоры, вшитые в ткань плащей, и тут же уносились в буфер памяти, чтобы позже стать частью идеальной копии.

Проникли они не через дверь и не через окно: слишком шумно. Использовали квантовый коридор - узкий прокол пространства между двумя точками. Он не оставлял следов, не тревожил воздух, не гнул занавески. Просто на долю секунды реальность в комнате стала чуть тоньше, и они шагнули сквозь эту прореху — бесшумно, как дым.

— Пошёл спектр? - шёпотом, но так, что каждый в команде услышал. Голос Дарена звучал твёрдо, без дрожи.

— Спектр полный. Температура, акустика, запах — всё в буфер. Уровень помех минимальный. Полная проекция комнат, даже микровибрации пола от проезжающих внизу машин, - отчитался Агент, не отрываясь от панели на запястье.

— Кровать придётся переносить. Без неё иллюзия рассыплется, - проинформировал Лерон.

— А инструмент? Лишняя трата энергии, он не большой, можно убрать.

— Нельзя. Видишь её руку? Она лежит на нём. Любое движение — и она проснётся.

— Понял. Не трогаю.

Они уже стояли по периметру держа в руках кристаллы, которые образовывали едва заметное мерцание, похожее на иней на стекле. Они не светились — они поглощали свет, собирая его в тонкие нити, которые сплетались в узор перехода.

— Лерон, сколько длится переход?

— Двадцать пять мигнов, Командир.

— Энергии хватит. Не трогать ничего на кровати и инструмент заберем. Лерон, каюта готова?

— Да. голограмму её комнат я встроил в структуру каюты. До гиперпрыжка она не поймет, что она не дома. А если повезёт, то и до самой Элари.

— Хорошо. Приготовьтесь. Два такта до перехода.

— Всем приготовится, - жесткий голос Дарена пронзил тишину.

Тишина стала густой, почти осязаемой. Казалось, даже воздух замер, боясь нарушить хрупкий баланс.

— Уходим.

«Слишком тихо», — скользнуло на краю сознания Юли, будто кто-то произнёс это прямо над ухом. Она шевельнулась, уткнулась носом в прохладную ткань и снова провалилась глубже, туда, где звуки были не словами, а тенями. «запись», «не трогать», «два такта», — обрывки чужого ритма на секунду смешались с её сном и тут же растворились, как круги на воде. Ей снилось, что она стоит на границе двух комнат, а дверь между ними никак не закрывается — щель остаётся, узкая, как лезвие. Она потянулась рукой, чтобы прикрыть её, но пальцы нащупали что-то твёрдое, знакомое, и она снова расслабилась, потому что это было правильно, это было своё.

Где-то далеко, уже не в её сне, прозвучало:

— Летим домой.

Вспышка была не яркой, а глубокой — будто кто-то на мгновение вынул из мира весь св

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.